

ВИДАВНИЦТВО ТОВАРИСТВА „ПРОСВѢТА“
ВЪ УЖГОРОДЪ ♦ ♦ ♦ ЧИСЛО 9—10.

ДОБРОДѢТЕЛЬ ПРЕВЫШАЕТЪ БОГАТСТВО

ИГРА ВЪ ТРЕХЪ ДѢЙСТВІЯХЪ

НАПИСАВЪ:
АЛЕКСАНДЕРЪ ДУХНОВИЧЪ

УЖГОРОДЪ
КНИГОПЕЧАТНЯ ЮЛЯ ФЕЛДЕШЯ
1921

Товариство „Просвѣша“ задумало выдаши шворы (сочиненія) Александра Духновича, першого будишеля и національного поэта Подкарпатської Руси. Въ I. томику выдае его драму „Добродѣшель превышае богатство“ — назначену для сельскихъ театровъ. Въ II. томѣ подаме житиенсь Александра Духновича, яку онъ самъ написавъ по латинѣ по 1860 роцѣ въ переводѣ на руське, переглядъ его шворовъ и выборъ зъ его поезій.

Тошы, кошрѣ шу игру будушь высшавляши въ аматорскихъ театрахъ, най дивляшься, ци всѣ слова можѣ шеперь выголосити. Такъ на прим. въ I. дѣйствію, явленіе IV (на стор. 9.) не може всѣхъ словъ Богобой выголосити, хйба лишѣ до мѣста: „О вы недостойный Ощечества и Народа нашого славного членъ“. — Односно языка позваляея декошти слова обернути шакъ, якъ въ томѣ селѣ або околици говоряшь, бо Духновичѣ писавъ такъ, якъ говоряшь въ Шаришѣ.

При шой способности просиме Почш. Публику нашу, чшо если бы дакто мавъ у себе якѣ рукописи шворовъ А. Духновича, чшобы повѣдомивъ про шо „Просвѣшу“, абы мы могли выхосноваши ихъ до повного выдана.

891.79
288
01

ОСОБЫ:

Многомавъ Федоръ, богатый мужикъ.

Олена, его жена.

Федорцьо, сихъ любезный сынокъ.

Лестобратъ, сусѣда и побратимъ.

Параска, его жена.

Андрѣй, } сихъ дѣти.

Марька, }

Честноживъ, другій сусѣда, колесарь.

Иванко, } его дѣти.

Настя, }

Мудроглавъ, учитель и дякъ.

Чмуль, жидъ корчмарь.

Богумила, вдовиця.

Антоньо, } еѣ дѣти.

Татьяка, }

Незохабъ Юрко, ворожиля.

Храбростой, офицеръ военный.

Богобой, жебракъ.

Судій съ присяжными.

Больше вояцы, мужики и дѣти.

ДѢЙСТВІЕ I.

Корчма у Чмуля.

ЯВЛЕНІЕ I.

*(Многомавъ, Лешобращъ и Юрко сядящъ за столомъ.
Чмуль шапочку въ руцѣ держишь и стоишь).*

Чмуль. Что розкажете мои любви Панове, ци па-ленку, ци вино, ци пиво; вшытко маю, завчеромъ емь принѣсь ганискому изъ Дуклѣ, вино изъ самого Токаю, а пиво изъ Шебеша, такое якъ золото; розкажете и закусити?

Многомавъ. Вшытко дай жиде, годень я заплатити и за вшытку твою худобу!

Чмуль. (Иде до комори смѣючися). Мою худобу... ай вай, и цѣлое село вы бы заплатили! О ры панъ, кто бы ся съ вами мѣрявъ? (иде и доразъ прибѣгне съ шклянками и наливае). Видите, якъ золото, то правдива оковита, то я лемъ для васъ держу Пане Федоре, ани за дукать бымъ другому не давъ. Дай Боже вамъ на здоровля!

Многомавъ. Пій сусѣдко, ный люди гварятъ здорви, што имъ ся любить, мы пили и будеме, лемъ дай Боже здоровля... пійме, покля жіеме, годень Федоръ заплатити!

Лестобратъ (облизуеся). Ой годенъ тай годенъ. Другого Федора уже на свѣтѣ нѣтъ больше. Многомава знаютъ и въ Мараморошѣ, по Эрделю и по Оперенци; хотъ где обернется чоловѣкъ, всягдыся за Федора просятъ, Федорова слава цѣлого свѣта, Федорови и панове чести дають, и село за его розумомъ иде. Лемъ дай вамъ Боже здоровля, гроши вамъ не минуть, хотъ бмсьте ихъ съ ложковъ ѣли, та ихъ не скельтуете!

Чмуль. То иста правда... Але Юрко штось смутный, не пье... што ся журите?

Лестобратъ. А што ты за бѣда, ты веселымъ бывавъ, а теперь сидишь, ги сова?

Незохабъ. Што бы ми было, мало роздумую, якъ бы дашто заробити; — ай уже добрѣ! (Мургне на Чмуля).

Многомавъ. (Уже мало напѣтый спѣвае). Ла, ла, ла! Братя минѣ уже ту уныло, идѣмъ до Мошка, а чей тамъ еѣ розвеселиме; подъ Василю, а ты Чмулю запишь!

Чмуль. Добрѣ пане Федоре, еще не много маете, ходьте здорови съ Богомъ, а прошу прійдите къ вечеру. (Федоръ и Василь отходятъ. Чмуль Юркови до уха шепче).

Незохабъ (тихо). Добрѣ, добрѣ Чмулю, лемъ ты ждай въ повночи на загородѣ, приведу я ти и десять, кедь хочеш... але ещесь не заплативъ за яловку; ци чувъ есь, якъ Богумила ходить нарѣкаючи?... Ой можеш ты небого уже глядати; что разъ до Чмульовыхъ рукъ владе, то больше не згине.

Чмуль. Но лемъ мудро Юрку, не забавляйтеся, бо ночь коротка, абы сте въ повночи ужъ ту были, рѣзникъ доразъ прійде' (Незохабъ отходить).

Чмуль. (Самъ, пише съ крейтовъ по столѣ и рахуе). Ферцигъ, ахтъ ундъ ферцигъ, гиндергъ... Яловку рѣзникъ отпровадивъ, конѣ уже за Бесъкъдомъ, доразъ ту Гершко по други... но тоты уже готови; Федоръ напьеса, а конѣ фуръ за Бесъкидъ. (Отходить).

ПЕРЕМѢНА.

(Домъ Федоровъ).

ЯВЛЕНИЕ II.

Федоръ, Олена, Федорцо.

Федоръ (иде напITYЙ). Такъ не дамъ; хотъ го доразъ чортъ возьме... Жено свѣти, посмотрю мою маетность! (Олена запалитъ каганецъ, Федоръ отворитъ ладу, выбрать мѣшки еденъ за другимъ, и пугиларъ великій). Ту суть тысящъ, ту два тысящи золотыхъ, сами талляры, ту пять сто, а ту тысящъ пять сто, сами дватцятники, а на контрактахъ три тысящи... Ой ци я не Федоръ, ци я не богачъ? а хто ми розкаже ге? я не боюся никого; видишь Сыне. то вшытко твое, не треба тобѣ шлолы, твоя мудрость адде! (указуе на мѣшки). Маешь ты дукаты, талляры, рубли. дватцятники, што ти душа забagne, лемъ дай ти Боже здоровля, а вырасти скоро, я тебе уженю, панѣчку возьмешь, а я ти куплю село, будешь ты паномъ прото. а жебрачина все остане жебрачиновъ, хотъ и сто разъ Ярмолой переучить.

Олена. Такъ любый Федореньку такъ; о якъ емъ ся розсердила, што и теперь трясуся; — недавно ту бывъ учитель. Панотець го посылавъ, и такъ брехавъ, чомъ Федорцо до школы не иде? ... Ой такъ, абы го тамъ били; ... ой на мою дѣтинѣ не будеса такій свѣтовый збытковати; ... и вчера тя били, ци такъ стоньку? (цѣлуе Федорця).

Федорцо (плаче). Ой Мамко, кедъ бы вы знали, якъ мене болить, што и вчера учитель почубривъ мня, а колѣна ажъ ми попухли отъ клячяня. ... О Мамко, я уже не пойду до школы. Мае Нянько дукаты, чому бл я ся учивъ, ци такъ мамко?

Олена. О Боже мой! укажъ лемъ сыне колѣнка!... (смотритъ). О ноженьки мои, ажъ попухли! (цѣлуе Федор-

цьовы ноги). Федоре фе... позирай лемъ позирай, якъ твою дѣтину скалѣчили, ци видишь ты! О Господи, небожаточко якъ плаче; ... ой я про дурну школу не дамъ убити свою дѣтину, о! на моемъ Федорцѣ небудеся свѣтовый учитель збытковати; ... Федорцю, ты ми болше до школы не пойдешъ!

Многомавъ. Такъ е, не пойде; ... а кедь тотъ смѣтникъ учитель лемъ дашто ти повѣсть, то я ему укажу дорогу, ... пустыня, ани человекъ не знае, вотки пришовъ, оборванецъ еденъ, а теперь на нашихъ дѣточкахъ будеся мстити ... Федорцю, ты до школы не пойдешъ, бо тобѣ школы не треба; я не ходивъ до школы, и прото я Панъ, моя школа адде! (указуе на мѣшки).

Олена. О любый мой Федореньку, ажъ теперь я тебе люблю, подь поцѣлюю тя! (цѣлуе го). Но Федорцю, уже все будеме въ едно, научу я тя молитися, и Отче нашъ, и Богородице, а вѣрую хотъ и небудешъ знати, та ничъ, и Няньо ти не знае, а прото онъ Панъ, прото и ты будешъ дукаты личити, а няй пукне зъ ѣду тотъ голодный Профессоръ.

Федорцю. Я лемъ съ вами буду Мамко, где вы, и я тамъ пойду, уже ми свободно буде и до корчмы съ вами ити въ недѣлю; няй тамъ учитель чинить, што хоче, бо знаете Мамко, же и генто клячавъ емъ, жемъ съ вами въ корчмѣ бывъ, коли такъ красно гули; ... тямите Мамко?

ЯВЛЕНИЕ III.

(Прежній, Богумила и Ташька, съ завязаннымъ окомъ).

Богумила (плачучи). Слава Иисусу Христу ... дай Боже вамъ добрый день, пане Многомаве!

Олена. Дай Боже и тобѣ, а што ты хочешъ пустыньо?

Богумила. Перебачьте панъ сусѣдко, але я пожаловатися пришла; видите вашъ Федорцю мою Татыцѣ камѣньомъ око выбивъ.

Олена. Добрѣ учинивъ, нѣй она пустыня къ Федорцови не ровнится. ... Смотри лемъ жебрачина якась, нѣй она ся съ циганы играе, а не съ богатымъ Федоровымъ сыномъ, ... вонъ ми зъ обмстя, жебрачино!

Богумила. Ой Боже мой Боже, та уже богатому Федорцови свободно надъ худобновъ сиротовъ збытковатися? ... о помилуйте, пожалуйте, теперь иду до мѣста: хоть лемъ на лѣки дайте ми дашто, бо може ми дѣтина ослѣпнути!

Олена. Та нѣй ти ослѣпне, и такъ лемъ жебрачка изъ неи буде, така якъ ты, а мой Федорцо ей ничь не учинивъ, ци такъ Федорцю?

Федорцо. Правда же ничь, я ей и невидѣвъ, она собака лемъ бреше.

Татъка. Та кто другій якъ ты? я ишла на воду, и ледва воды начерпала, якъ ты все до воды камѣнья метавъ, молиламъ ти ся, абысь ми хоть начеряти давъ, але ты не слухавъ, и такъ зачавъ до мене шпуряти, же и еднымъ камѣньомъ око съ ми выбивъ.

Федорцо. Брешешъ собако, бо я тя и не видѣвъ, ... ци такъ мамко?

Олена. Такъ сыне такъ. О знаю я твои гадки, ... жебрачино, не маешъ што жерти, та такимъ способомъ хочешъ вылудити отъ мене, ой зъ того ничь не буде! ... А чому ты не богата ге? бо ти ся робити не хоче, лемъ бысь на легко жила; ... знаю я тебе собако.

Богумила. Нѣй вамъ Господь заплатитъ и нѣй вамъ богатство нигда не оскудѣ!

Федоръ. (пробудитя отъ дремлѣ). Што то ту за крикъ въ моюмъ обмстыю, а не идешъ паскудо?

Богумила. Иду уже иду, нѣй васъ Богъ такъ помилуе, якъ вы мене пожаловали! (Отходитъ съ дѣвчаткомъ, и Олена съ Федорцомъ другими дверьми отходитъ).

ЯВЛЕНИЕ IV.

Богобой и Федоръ.

Богобой. Слава Иисуса Христу, пожалуйте убогого калѣку! двадцять лѣтъ воякомъ бывъ, теперъ на мадыарской войнѣ, подѣ Добровичномъ ногу утративъ, ужемъ негоденъ служити, не собѣ заробити фалатокъ хлѣба, пожалуйте во имя Божое!

Федоръ. А што ми до твоей ноги, гдесъ стративъ, я ти не справлю другу, иди до сусѣды, онъ колесарь, та ти справитъ такую, што нигда не буде болѣти!

Богобой. Не прошу я отъ васъ ноги, я радуюся же про моего Царя, и про мой народъ загубивъ еи, вдячно и голову бымъ положивъ; ... но прошу отъ васъ кусокъ хлѣба, пожалуйте!

Федоръ. Про кого есь утративъ ногу, отъ того и жалованія проси, ты за мене не воевавъ!

Богобой. О глупое невѣжество невѣжество, та за кого я воевавъ? ци не за васъ, и вашу худобу? ... скажите вы, завзятый человекъ, если Царю послужиме, не служимели и всѣмъ сожителимъ? о вы, якъ я вижу, не много понимаете, бо слушайте, если хто вамъ служить, не служить ли онъ и цѣлому домови вашему? вашъ слуга не есть ли и дѣтей вашихъ слуга? ... хто васъ отъ нещастя, отъ злодѣя, отъ бѣдъ защищасть, не защищаеть ли онъ и сына вашего, супругу вашу, и все имѣние ваше? ... такъ каждый Царю послуживши, не служить ли и всѣмъ подданнымъ его? ... Бо што есть Царь? вы непонимаете, но я скажу вамъ: Царь есть Отець крайны своей, есть Отець своихъ подданныхъ, а мы всѣ дѣти его есьме, и вы сынъ Царевъ, хоть есьте того и недостойни, ... айбо ничъ то, то случится, же и найдостойнѣйшій человекъ злостливого сына получает. О вы недостойный Отечества и Народа нашего славного членъ! Не знаете ли вы то, же кедь ласкавый, и ми-

лостивый нашъ Царь войну утративъ, кедь врагъ побѣдитъ его, тогда весь нашъ славянскій народъ сгине, розидутся всѣ Русины, такъ якъ погибають пчолы, погибшей матери? прекрасна бесѣда наша, и церковниі обряды счезнуть; мы бы уже неназывалися Русинами. еслибы не побѣдили мы враговъ нашихъ; бо враги Царя были и наши враги, а пріатели Царевы суть и намъ пріатели!

Федоръ. А што ти до того, я не маю врага; у мене суть гроши, та я небоюся никого!

Богобой. Подякуйте Богу, же мы ту недопустили неприятеля, бо тогда не много былобы вамъ осталось! Но съ вами говорити, только значить, якъ съ конемъ ся молоти: ... вы затвердѣлого сердца глупый чловѣкъ; видно, же вы въ школу не ходили, ничъ доброго естеся не научили; я отъ васъ не прошу жалованія, маю я милостивого Отца, онъ мене жалуе, и буде; и протѣ узнайте, же минѣ моя куляга вдячнѣйша, якъ вамъ ваше богатство, што го дѣдко забере!

ЯВЛЕНІЕ V.

Прежніи, Олена съ Федорцьомъ.

Олена. (вбѣгне). Федореньку, фе...! ой бѣда, ... коней нѣтъ, и сивулька пропала, ... кажуть, же уже по повночи ихъ не было, Иванъ десь пойшовъ глядати; то на истѣ украли; ... бо то смутокъ уже, якъ ту крадутъ: ... вчера Богумилину яловку украли, ... ай ний бы ей тамъ крали съ Богомъ, ... але мою худобу; ой Федоръ, радъ дашто радъ!

Федоръ. А хто бы смѣвъ мою худобу рушати, а ци не знае, же Федорово не свободно кинути? доразъ укаже Федоръ, что онъ може; цѣлое село буде платити.

Олена. То на истѣ колесарьова работа, бо онъ ся такъ ховатъ.

Федоръ. Та го повязати дамъ, иди ми по урядъ, ный ту доразъ прійдутъ, они повинни на розказъ Многомава прійти, бо кедь ся завозьму, та я укажу, што Федоръ годенъ.

Федорцо. Наню та и мое гачатко пропало? о богдай того колесаря дѣдко моривъ; — прото онъ мене и вчора собачивъ, гваривъ, же изъ мене ничъ не буде, же я на шибени умру... О няню бійте го, повяжете го, бо я уже и на улицю не годенъ передъ нимъ выйти!

Богобой (смотря на Федорца). А ци то ты сыноньку? такъ правду говоривъ честный колесарь, бо на истъ зъ тебе ничъ доброго не буде; ци не тямишь, якъ ты скарѣдно брехавъ? О ты безстыдный черваче, такъ безстыднїи слова и между вояками скарѣдно слухати! Сыне! ты збыткуешся надъ людьми, тебе Богъ не благословить, бо ты безчестный, и злочестивый, якъ Хамъ.

Федорцо. Ой мамко, ци чуєте того калѣку? — бійте го бійте!

Олена. А не мовчишь калѣко, ты будешь мою дѣтину псовати? О не буде онъ ни отъ кого хлѣба просити, мае онъ достъ, иди до чорта, бо я ти доразъ съ кочерговъ укажу дорогу! Вонъ ми изъ обыстя! — А ты Федоре пильнуй, бо то лемъ колесарьова робота, и не другого.

Богобой. Иду, иду, и больше не перекрочу ваши пороги, бо тутъ мамона и грѣхъ перебивае, ту заклѣтое богатство! Боже вамъ заплатъ!

(Отходить).

Федоръ. Сыноньку, иди лемъ до Чмуля, а чей онъ дасть порады; то честный жидище, онъ мудрый, дашто буде радити! (Федорцо отходить).

Олена. Ай Федоре, ци бы не было добрѣ пойти до Щербанувки, къ Юркови, ворожилеви, онъ каждому повѣсть правду, онъ знае на истъ?

Федоръ. Мудро думашь, а чей онъ ту буде, бо вчера емъ го у Чмуля видѣвъ.

ЯВЛЕНІЕ VI.

Прежніи, Чмуль, Незохабъ и Лестобратъ.

Чмуль. Дай Боже вамъ здоровля, што розкажете пане Федоре!

Федоръ. Витаи Чмулю и ты Юрку. Ци слышали вы, што ся у мене стало сеи noci; мои конѣ и яловку украли.

Чмуль. Неможна рѣчь! а хто бы посмѣливався пана Федора худобу рушати?... то не може быти; лемъ заблудили дагде, та они придуть; знаете же шкапина псина иде; а ци пошовъ ихъ дахто глядати?

Олена. Тадъ Иванъ десь пропавъ за ними.

Чмуль. Можно, же онъ самъ на пашу ихъ вывювъ; не трудьтесе Федорку, — ай вай... пане Федоре, они сами прійдуть!

Олена. Ой чортъ имъ прійде; Фенна гваритъ, же по повночи ишли до стайни обое съ Ивановъ, и стайня была заперта на ретязъ, а коній не было ани яловки.

Незохабъ (раздуме, мормоче). То на истѣ онъ... я думаю; але доразъ увидиме.

Олена. О Юреньку, змилуйтесе, пожалуйте, дайте рады, поворожьте лемъ дашто, вы на истѣ знаете, бо вы все знаете; порадыте, о порадыте!

Незохабъ. Дайте еденъ новий горнецъ, сито и ножичкы; я дотля принесу зѣля!

(Юрко едновъ, Олена друговъ стороновъ отходить).

Чмуль. Багма Боже онъ знае де суть... онъ знае; а чей и повѣсть; уже и Богумилъ повѣвъ; знаете же то человекъ божій, то на истѣ пророкъ.

(Олена на одну страну иде, несе горнецъ, сито, ножицы, а Юрко на другу, мормоче, голововъ мече, бурянь несе в рукахъ).

Незохабъ. Дайте горнецъ! (бере и бурянь скубае, мече до горчка). Чистой воды изъ потока дайте! (бере отъ Олены воду, и лье до горнца). Но понесите идъ огневи, няй кипить! (Олена бере горнецъ, и несе). И соли дайте до горця, кедь маете свяченои, и свяченои воды долийте!

Олена (идучи). Добрѣ. добрѣ.

Незохабъ. А вы Федоре держите сито! Федоръ держитъ сито, Юрко вяже мотузками и все момроче, привязуе ножицы на сито). Но зажмурьте очи, и ты Чмулю! мекеке, мекеке; квичить: кви, кви, кви; ерже ги конь: ги, ги, ги; бечить ги яловка: бе, бе, бе; — мечеся, скаче, руками плескае, и наразъ скричить:!) Тамъ е Унгваръ, Доброчинъ! та на истѣ понесли ихъ идъ Унгвару, а отъ тамъ до Доброчина; теперь ихъ поить на рѣцѣ, два чорнѣ конѣ, еденъ конь, друга кобыла, чорни якъ галки, багаріовы узды на нихъ, молоденьки по три зубы, шесть сто золотыхъ стоятъ...; тамъ суть, тамъ суть!

Федоръ (отворить очи). Хвала Богу; такъ е, чорни по три зубы, узды багаріовы: то правда, — о я вижу Юрку, же ты чорта маешь.

Чмуль. Я вамъ гваривъ, же онъ вшитко знае; ой то пророкъ.

Федоръ. То Антихристъ! та уже ту суть Юрку?

Незохабъ. Тамъ ихъ поить на рѣцѣ, теперь лемъ за нима идъ Унгвару!

(Олена несе горнецъ).

Незохабъ. Ци уже skipflo?

Олена. Уже.

Незохабъ. Но вылійте на помость, где стояли, а порохъ намастьте ческомъ свяченымъ, абы босорка неурекла; — бо ту суть босорканѣ!

Олена. Ой суть, и тотя собака Богумила велика босорка; хвала Богу, же ей яловку украли, дивьтеса добри люде, кедь она едну Тарчуну мае, а масло все до мѣста носить; я отъ четьрехъ рогатыхъ коровъ не маю

только, якъ она отъ одной. Я чудовалася, что она раненько, уже на зоряхъ ходитъ по хащи, все збераетъ якогось дѣдка, и дѣтища ей волочатся по дебрѣ; — ани не пуститъ свою Тарчуну на пашу, лемъ въ стайнѣ ю держитъ, ой она то, собака, моимъ коровамъ молоко отбираетъ. (Иде съ горнцемъ).

Чмуль. Але не то, не то, но думай лемъ, хто ихъ украсть!

Незохабъ. Чудо, дивьтеся люде, колесо ся указуе, и близъ стае; ага!

Федоръ. Такъ е, то пустынный колесарь; а хто бы другий? Но пессій сыне! ждай теперь, я вижу, чому онъ такъ по цѣлой ночи стриже, а лопотитъ ги чортъ, пропавъ бы, и спати не можъ передъ нимъ.

Чмуль. На истѣ онъ, видите и Юркови колесо ся указало. О то незлюдный человѣкъ, колько разъ я его кличу до себе, не хоче прійти; онъ еще на моемъ обыстю не бывъ; съ честными людьми не сходится, лемъ мудруе, якъ-бы кони красти; ой онъ то и мою худобу покрасть.

Незохабъ. Ани се сумнѣвайтесь, видите и теперь его дома не е, а вчера вечеръ еще бывъ, правѣ въ повночи отъишовъ; онъ пѣше не любитъ ходити, не дармо Гусарьомъ бывъ, любится на кони носити, и мясо ѣсти изъ яловокъ!

Федоръ. Ай бо на моихъ татошахъ не будеса носити; — позерай лемъ Олено, ци дома е! Олена отходить, Федоръ Юркови дае гроши). Ту маешъ Юрку, ти правду казавъ, уже я вынайду свое, поставитъ ихъ колесарь хоть съ подѣ чорной землѣ.

Чмуль и Юрко (отходятъ). Но будьте здорови пане Федоре, а не журьтеся, они ся найдутъ, лемъ идъ Доброчину ся майте, на Бескъдъ ани не думайте; — вечеромъ васъ запрошаю до себе!

(Отходятъ).

ЯВЛЕНИЕ VII.

Прежній, Олена и Лестобратъ.

Олена. На истъ Федореньку, колесарь злодѣй, тамъ ани живого духа не е, позамикано все на ретязи и колюдки, ой онъ то отпроваливъ мои коники: (плаче) ой, ой, ой, смутокъ бы на тя сѣвъ, смутокъ, горька бы ти доля, тай горька!

Лестобратъ. Та хто бы другій?... цѣлои ночи не спить, лемъ ходить якъ грѣшна душа, позоръ дае якъ сова, товче съ топоромъ, што честни люде спати не могутъ; а то прото, абы обманивъ людей; и то не лемъ самъ, но и дѣти его, якъ молоди ястрябаки волочатся коли свѣтъ, а по ночи збиваютъ; та вотки бы бывъ такъ збогатѣвъ, а чей лемъ му дѣдко не наносить, ани хованца не мае?

Федоръ. Такъ е брате Василю, честный человекъ въ ночи спочивае.

Лестобратъ. А въ день съ честными людьми розговорится; а тоту бѣду нигде не видно: — а все его мара лемъ идъ Панотцови несе, чудуюся на Панотцови, што съ таковъ бѣдовъ забавляеся, а чей го Псалтырю учить.

Федоръ. Ба дивится,... бо онъ знаеся прилизовати панотцови, на службу несе; а чому панотець къ мнѣ не приходитъ? бо я не дурень му на службу давати; а я не колесарь, и съ собовъ не дамъ такъ розказовати; бо я знаю, што и хто я.

Олена. Бо панотець и съ моимъ Федорцьомъ такъ хотѣвъ бы ся забавляти, якъ съ колесарьовыми дѣтми, еще н тои собаки Богумилы дѣти позбирае, а такъ ся съ ними провожуе; ой съ моимъ Федорцьомъ не буде!

Лестобратъ. Пане Федоре! Василя дома не е, тои ночи гдесе пропавъ, тогда, коли и конѣ; — но лемъ вы его дайте повязати, прutowати, напійме на него бочку

паленки; и дотля пійме, покля ся не признае; а хоть ся признае, хоть нѣтъ, мае худобу, што накравъ, назбивавъ, та дайте пошацовати и заплаťте собѣ, а за коньми ани не трудьтєся!

Федоръ. Правду гваришь, ты мудрый Василь, дяктъ бы зъ тебе бывъ, кедь бесъ читати знавъ.

Олена. Але и тота безчестна Богумила съ нимъ розумѣся; о думаете, же они не познаваются; — а чому колесарь не женится, а чому колесарьовы и Богумилины дѣти все въ едно волочатся? Уже честного чоловѣка дѣти не могутся передъ ними обстояти; лемъ подумайте собѣ, мой Федорцо ани указатися не може передъ ними! Ой не глупа я, знаютъ то люде, лемъ панотець слѣпый, же не видить еи нравы... Но Федореньку до колоды съ ними, найся тамъ въ едно полюблять; — ой кедь бы еще и того премудрого Соломона Професора можъ къ нимъ придати, тогды бы я рада была!

Лестобратъ. Ай не того, нѣтъ; — ай пане Федоре, идѣмъ право положити, подьме до судіи (рихляря), чиньме порядки!

Федоръ. Ай ци буде дома теперь?

Лестобратъ. Онъ на истѣ або у Чмуля, або у Мошка, лемъ тамъ прости идѣмъ, вынайдеме мы его; и честна громада тамъ, та где бы была?

Федоръ. Иду, уду: — но на передъ замочьмєся! — (Вынесе корчагу, пѣе и Васильови дае, а Василь долго тягне изъ корчаги).

Федоръ. Ой куме Василю, ты такъ пѣешь ги дуга; но лемъ пій, е у Федора достъ!

Лестобратъ. И буде ажъ во вѣки вѣковъ, аминь.

(Отходятъ).

Олена (сама). О засвѣчу я тобѣ цѣфрованко, ажъ заслѣпнешь, — собака една, съ своими щенятами — будешь ты памятати Олену; укажу я тобѣ, ци мой Федорцо шибенякъ; буде тобѣ горькій шибенякъ, и твому любому колесарьови; — ой укажу я тобѣ!...

ЯВЛЕНИЕ VIII.

*Олена, Мудроглавъ, Иванко, Насьшя, Аншоній, Татька,
на послѣдъ Федорцо.*

Мудроглавъ веде за руку Настю и Татьку, Насьшя съ завязановъ
голововъ, а Татька храмле).

Мудроглавъ. Слава Господу! честна Олена! адде съ нову нещастья, Федорцо уже такъ розвывся, же дѣти уже передъ нимъ не обстоятся; и кедь то такъ дале буде, та панотець повиненъ буде у Пана Комисаря скаргу чинити; ци видите: едно дѣвча кровь зальяла, другое храмле, а тыхъ добрыхъ, и честныхъ хлопчиковъ побивъ, камѣнями наметавъ; — хто ему уже такъ много сваволѣ вытерпитъ? прото панотець еще разъ напоминае васъ, абысте на Федорця позоръ дали и его до школы посылали; бо инымъ способомъ и вы безчестнѣ останете, и зъ Федорця збойникъ буде!

Олена. А што панотцеви, што тобѣ до мого хлопця? мой хлопецъ не притиснеся ани на панотця, ани на тебе свѣтового; — той хлопецъ больше сыра ѣсть, якъ ты хлѣба! — (руки на клубы сложить). Позирай ты себе, и свои дѣти, мому Федорцови твоей школы не треба, бо его школа адде! (указуе на ладу). А тоты пустынь, што ту ходять (указуе на дѣти), злодѣйски дѣти, лемъ крадучи ходять, такъ есте ихъ выучили, (глумится) ой, краснѣ дѣточки, доразъ и вамъ укажу вашу честь! — А вы дячку заступяете таку ледачину? ой такъ, якъ бы я не знала, же и вы сувааетеся къ собацѣ Богумилѣ, и прото тыхъ черваковъ такъ заступяете а мого Федорця утопити бы сте хотѣли? — Я съ вами не маю ничъ, идьте собѣ до дѣдка, мою дѣтину не рушайте, бо васъ доразъ съ кипяткомъ обпарю!

Федорцо. (На окно) Такъ мамко такъ, бійте ихъ бійте

Олена. Подъ рыбонько моя удну, подъ премиленьый мой соколику, мой соловѣйку любый, не бойся! — А вы вонъ изъ мого обыстя!

Мудроглавъ. Дай Боже, абы изъ соколика сова, а изъ соловѣйка ворона не сталася! — Честна Олено, розпамятайтеся, што чините; не въ богатствѣ щастя залежить, але въ богобойной, честной жизни; — ци не слышали вы Оленко, проповѣдь Панотцеву, якъ ясно говоривъ изъ книги Юва: „*Аще соберешъ богашый якоже землю сребро, и якоже брєніє угошовишъ злашо: сія вся праведнїи одержашъ, имѣнїя же его истиннїи возьмушъ, будешъ же домъ его яко молїе, и яко паучина; яже снабдѣ?*“ О вы не хвалътеся съ богатствомъ, бо оно крыла мае и легко полетить, якъ вашъ соколикъ и соловѣй; але сердце сокрушено, и смиренно Богъ неуничитъ! . . . Оленко памятайте, же земля есте, и въ землю возвратитесь, и ничъ не возьмете, якъ чотыри дощкы, а яже уготowali есте, кому будутъ?!

Олена. Федорцьови! — а пакъ што тобѣ до того, бо доразъ пойдешъ, воткы и пришовъ есь?!

Мудроглавъ. А хоть где пойду, всягды съ Богомъ пойду, и Господь ми буде помагати; но вы, вы обернитесь уже къ Богу, не утѣсняйте сироты, и вдовицы, бо то грѣхъ до неба вопїющїй! — ци вы думали о Евангельскомъ богачови, ци слышали есте даколи, же: *Блаженни нищїи духомъ, яко шїи Бога узряшъ?* Раздумайте, што Богъ рекъ богачови: *безумине, днесь душу твою исшяжущъ ошъ тебе . . .* слухайте еще дале!

Олена. Я не хочу васъ слухати, я васъ не просила за казателя, повѣжъте и Панотцови, нїй ся онъ до моихъ рѣчей не мѣшае, бо я знаю што чиню; я му до церкви не пойду, ани сповѣдатися ему не буду, знаю я, где монастырь!

Мудроглавъ. Нѣтъ! — слухайте еще!

Олена. (розсердится). Кажу ти смѣтнику свѣтовый, я отъ тебе не хочуся учити, иди вонъ! (возьме кочергу, а Федорцьо прибѣгне, и возьме мѣтлу, Олена Мудроглава, а Федорцьо дѣтей бье, и жене вонъ и кричить): *Вонъ, вонъ, злодѣю, съ твоими копылятами, вонъ!* (Мудроглавъ и дѣти утѣкають, мѣшаються, и плахта упадае.)

(Конецъ I. дѣйствию.)

ДѢЙСТВІЕ II.

Домъ Судный.

ЯВЛЕНІЕ I.

(Судія (рихшарь) съ присяжными за споломъ сидишь, всѣ съ покрышыми главами, и Федоръ между ними, Чмуль, Незогабъ, Олена, и больше мужескихъ и женскихъ особъ безпокрышыми главами сшояшь на странѣ а служишель (гайдукъ) при дверяхъ стоишь съ палицевъ).

Судія къ Гайдукови. Иди до Чмуля, а принеси на колесаря десять, а на Богумилу пять галбъ! (Гайдукъ отходитъ).

Судія. Доразъ увидиме, якъ то мае быти; то уже стыдъ, што ту дѣся, каждый день новое злодѣйство; — ани не знаю, де ми голова; — сеи noci пану Федорови конѣ и яловку украли, а Чмульови колеса кованѣ.

Чмуль. И бочку паленки, платья, и еденъ або два, а можно и три сусѣки зерна, пшеницѣ, и Богъ знае што; ай вай!

Судія. Изъ дзвона мотузъ; и Богъ знае што: — ту уже сами разбойники, то еще у насъ не было чувати; доразъ дойдемe мы тому конца. (Гайдукъ несе корчагу велику и двѣ стклянки, положить на столѣ, и еденъ стаканъ (погаръ). Но братья замочьтeся и такъ съ Богомъ до работы! (пьютъ всѣ и здоровкають до себе. Честна громадо! у насъ

зле дѣся, ту злодѣи суть — адде пану Федорови сеи noci конѣ и яловку украли. Чмуль уже изъ села повиненъ отъйти, только шкоды терпять, то не красна работа; у насъ того нигда небывало, бо ани дѣдове наши не памятаютъ, абы туда коли крадежь ставалася была; Русины все въ той рѣчи найчестнѣйшии люде были, цѣла худоба могда смѣло на дворѣ ночовати, не было у Русиновъ колодки, и ретязи лемъ про добрый рядъ запералися; — а теперъ годѣ поради; — о зле уже на свѣтѣ!

Присяжніи. Такъ е.

Судія. Теперъ повинность наша злодѣя вызнати, и такъ покарайме его прикладно, або выженъме его изъ села, та знову такъ безопасно будеме жити, якъ наши предкове жили.

Присяжніи. Такъ е.

Судія. Но добріи люде, ци знаете, хто злодѣй у насъ? розсудьте лемъ мудро: — Честноживъ Василь, — мы его за честного челоуѣка держали, — въ подозрѣню е, адде повѣдятъ честніи свѣдкове.

Чмуль. Честнѣ Панове! то иста правда, же ту злодѣй колесарь, а не иншій; знаете, же онъ цѣлу ночь не спить, у него все свѣтится по цѣлыхъ ноцахъ, онъ не такъ же, якъ други честнѣ люде, его въ корчмѣ никто невидить, онъ не сходится съ честными людьми, лемъ мудруе, якъ бы сбогатѣти; видите, яки волю мае, яку худобу, его поле найбогатшое, не по близь ярмарку, абы онъ на немъ не бывъ, бо онъ тамъ своихъ товаришовъ мае, онъ съ мадырами сгваряеся; гварить, же колеса имъ продае, ай то лемъ слѣпота, заслѣпляе людей, айбо онъ не прото по ярмаркахъ ходить; ай то ся знае.

Присяжніи. Такъ е истинно.

Чмуль. Пану Федорови конѣ пропали, и яловка сеи noci, якъ гварять въ повночи, я не знаю коли, бо я ихъ не видѣвъ, но достъ того, же колесарь въ вечеръ дома бывъ, а въ noci счезъ, и рано го не было уже

дома, то едно; другое, же онъ такого честного сусѣда мае, што его цѣлый свѣтъ честуе, (на Федора указуе), а онъ не сходится съ нимъ, бо му богатства завидить, якое му Богъ давъ, а съ честновъ Оленовъ все вадится, а дѣтину ихъ честну все наказуе, якъ даякій префесоръ; словомъ онъ самъ свой челоувѣкъ. съ никимъ не говаришить.

Олена. Лемъ съ Богумиловъ!

Чмуль. Такъ е, надератся съ людьми, знаете, колько-разъ мои гуси, пульки, качки загнали; а кедь бы бывъ емт не утямивъ, та бы бывъ ихъ порѣзавъ; — и такъ достъ моей працы наѣвся; — а што му учинили мои гуси, и пульки? ай онъ на истѣ злодѣй.

Присяжніи. Такъ е.

Чмуль. Але указалася правда, гвоздь въ мѣху не можъ затаити; честный и мудрый Юрко проуказавъ му правду: бо колесо ся указало на ситѣ; ци такъ Юрку?

Юрко. Такъ е.

Олена. Айбо и тотя собака Богумила съ нимъ разумѣся, она пустыня такъ жие, якъ даяка панѣ, дѣти ей убранѣ якъ паньчата, а непрестанно лемъ по подь людски плоты ходить, съ колесарьомъ догваряеся, и гѣти ихъ все въ едно суть, уже честного челоувѣка дѣтина и на улицю указатися не годна передъ ними; вѣдь то знаете.

Присяжніи. Такъ е.

Лестобратъ. Але што ту другое и думати, ани не усумнѣвайтесь, бо то колесарьова работа, я му сусѣда, та знаю, якъ жие!

Олена. Съ Богумиловъ!

Судя. Но слышали есте честнии люде? я думаю, и присягъ бымъ, же то колесарьова работа.

Олена. А я сѣмъ разъ присягну, же и Богумила съ нимъ; — — ой собако една!

Присяжніи. Такъ е.

Судія. Но приведите ихъ сюда!

Чмуль. Панове прошу ласки! и мои шкоды пощацуйте: два ковани колеса 20 золотыхъ, бочка паленки 50 золотыхъ, зерна 12 кобловъ 120 золотыхъ, то учинить — 325 золотыхъ срѣберныхъ!

Присяжніи. Такъ е.

Судія. Но замочьмесья братья, и подьме шацовати! (Пьютъ всѣ и потомъ отходятъ).

ЯВЛЕНІЕ II.

*(Честноживъ, и Богумила на мотузѣ повязаны при-
ведущя; Гайдукъ несе колоду, и за ноги ихъ до колоды
посадишь.)*

Честноживъ (въ колодѣ.) О Господи, што дѣся на свѣтѣ, злость, лжа, и ненависть перевышила уже свѣтлую добродѣтель! о вы безбожніи, чому мучите насъ невинныхъ, прошто вяжете? што мы злого учинили? — О несчастна участь! такъ то свѣтъ платить, въ немъ безбожніи, неправедніи, обманщики, окламники, злодѣи и лестники весело жіють, они владѣють, а убогій, честный, усилонный челоуѣкъ терпигъ — о на истѣ земля злыхъ мати, а невинныхъ честныхъ мачоха! Но не журюся тымъ, бо совѣсть моя чиста, и непорочна — бо живъ мой Сотворитель, мой Богъ, онъ видитъ невинность мою, онъ еденъ годенъ избавити мя, якъ избавивъ Іону отъ кита, якъ избавивъ Петра и Павла Апостоловъ отъ узъ грѣшничихъ, якъ избавивъ Даниила Пророка отъ грозныхъ, и свирѣпыхъ львовъ, якъ избавивъ богобойныхъ младенцевъ отъ печи огненныя. Не журися и ты честна сусѣдко, Господь избавитъ и насъ, потѣшитъ насъ; можно, же Богъ искушаетъ насъ, можно же про наши, или родителей нашихъ грѣхи терпиме; но хоть якъ то, если Господь допустилъ на насъ сія, онъ насъ и

пожалуе, онъ помилуе насъ, якъ помиловаль праведного Іова, наша надежда у Господа; онъ еще помилуе нашу невинность, а злочестивыхъ накаже; Господь просвѣщеніе мое, и спаситель мой, кого убоюся?

Богумила. Та што дѣлати, якъ на Господа надѣяться? знаю же онъ мене невинну не оставить. — Но дѣточки, мои, дѣточки, хто ихъ пожалуе?

ЯВЛЕНІЕ III.

(Судія, Присяжніи и всѣ первого явленія особы наверхъ и голосно смѣются).

Судія. Научу я васъ злодѣи; — знай теперь Василю, же уже конѣ Федоровы выплатилися, честна громада по совѣсти отсудила, и уже судъ скончився. Твои воли и корова и Богумилина Тарчуня отдалися пану Федорови за конѣ, а честному Чмулеви: за шкоды далася твоя корова, и сусѣкъ съ зерномъ, и Богумилина телиця; а то лемъ такъ милосердно судилося, бо по правдѣ цѣла ваша худоба малася забрати; подякуйте пану Федорови, и честному Чмулеви, же на васъ милосердіе мали, теперь еще за судъ заплатите 5 золотыхъ и 50 галбъ паленки, и абы изъ васъ люде прикладъ брали, та на каждой улицѣ достанете по шесть палицъ; — знаете?

Присяжніи. Такъ е.

Чмуль. Честна громадо, я прошу, пожалуйте ихъ, даруйте имъ палицъ; мы обойдемся уже съ вашимъ праведнымъ судомъ!

Олена. Ой нѣтъ, той собацѣ Богумилѣ дайте хоть лемъ 12 кербачовъ, абы тѣмила, якъ треба моимъ коровамъ молоко отберати!

Честноживъ. Люде! знайте што Богъ на небѣ, памятайте на Бога, и судьте по правдѣ, абы и васъ такъ Богъ судивъ; я невинный человекъ, но знаю, же и честна Богумила невинна, смотрите на душу, люде, кайтесь, бо Господь не стерпитъ безбожность вашу!

ЯВЛЕНІЕ. IV.

Мудроглавъ и прежніи.

Мудроглавъ. Дай Боже вамъ здоровья честна громадо! — (Не смотрятъ на него.) На передъ вопрошаю васъ: есте ли вы люде, или звѣрѣ, есте ли вы христіане, или погане? — О на истѣ вы честного, богобойного и православного народа славянскаго члены быти не можете; — бо славянскій народъ богобойный, а вы Бога и не внимаете; народъ той е справедливый, а вы судите неправедно, и за тоту паскуду, дѣдкуву юху, и душу продасте: уже пересмердѣлисьеся паленчисковъ! — Скажите, што вамъ начинивъ богобойный и роботный человекъ Честноживъ Василь, што порядна Богумила? чему ихъ такъ катуете?

Судія. А што вамъ Дяче до того? мы судиме справедливо, а кедь хочете знати, та вашъ честный Василь злодѣй, а Богумила съ нимъ держитъ.

Олена. И босорка е, отъ моихъ коровъ молоко отъяла.

Мудроглавъ. Василь злодѣй? — О вы окаянные люде! та ци е между вами, ци е въ селѣ Василеви подобный честный человекъ?

Судія. Такъ е, не е такого другого, бо ту никто конѣ не краде, лемъ Василь.

Олена. Съ Богумиловъ.

Судія. Такъ е, съ Богумиловъ; — а чому же такъ сбогатѣли?

Присяжніи. Такъ е, то истинна правда.

Мудроглавъ. Такъ е истинна правда; — о вы сойки, вы пяницы огавніи! — Василь и Богумила хоть и небогатіи, но съ помочи Божой вшитко мають, што имъ потребное; — а вы всѣ схудобнѣли; а то уже иста правда; — але што тому за причина? но слышите, я вамъ повѣмъ: бо Василь съ Богумиловъ неперестануть

робити, усилюются, працюють не ходять по корчмахъ, не пяницы суть, якъ вы; — а вы уже пропали со всѣмъ. бо худобу вашу асесь чортъ (на Чмуля указуе) забравъ!

Чмуль (сердитымъ голосомъ). Кто! — я? я не злодѣй, мене честна громада познае, нѣй повѣсть, ци я забравъ, просьтесе и мудрого Юрка, — а вы дяче идьте до чорта, хто васъ ту звавъ? бо я на васъ прямо положу, за мою честь!

Мудроглавъ (не смотреть на жида). Вы всѣ пяницы; уже 'сте всю худобу попропивали, бо изъ смердячої корчмы ани не выходите, упиваетесе день — днемъ, въ ночи коргелюете, а въ день лежите; — стыдъ, ганьба, уже и одежи доброй не маєте на грѣшномъ тѣлѣ, босы ходите, якъ псы, поле вамъ пустое, а воловъ уже и десять не е въ цѣломъ селѣ; — кедь чужій человекъ заблудитъ ту, думае, же цыганское село.

Судія. Та ми цигане?

Мудроглавъ. Працуете по цыганьски и маєте по цыганьски, бо яка праца, така плаца; — дань уже два роки неплачена, Панотцева роковина задержана, моя платня пропала, уже одного честного дома не е, будинки вамъ на громаду летять, церковь днесъ-завтра упаде. дѣти вамъ голы, а вы цундрами трясете, голодомъ моритесе: лемъ проклятый жидище тые якъ веперь!

Чмуль. А вы дяче мовчьте, — хто васъ за Превкуратора поставивъ? — видите, панове господари, якъ ми чести урывае; — а не знаете 'го изъ села выгнати? не знаете, же онъ вашъ слуга? а такъ вамъ смѣе казати? — а вы не знаете, што му треба?

Судія. Отъ завтра глядайте собѣ мѣсто Дяче; — мы такого мудерця не хочеме; и панотець може съ вами ити, 'де хоче, — наша церковь, наши дѣдове ю справили, найдеме мы собѣ Попа а Дяка!

Мудроглавъ. И Панотець, и я пойдеме, коли хочеме; и на истѣ, кедь вы непоправитесе, кедь того окламника, здирьцю и душъ вашихъ пекельника, Чмуля

и Мошка, што васъ пекельновъ юховъ напава; не лишите: та на истѣ отъидеме; бѣ съ вами уже поради не можѣ; але знайте, же и вы выпустѣте, якъ Содома и Гомора, бо Господь долго терпитъ, але разъ прійде часъ, коли уже каются не скоро буде!

Федоръ. О пустыннику, не идешъ, я тобѣ укажу, што Федоръ годенъ; не знаете 'го тамъ идѣ Васильови положити?

Мудроглавъ. Радше буду съ Васильомъ 'у колодѣ, якъ съ вами у палатѣхъ; бо лѣпша е честному чловѣку темница, якъ безбожному свѣтлиця; бо Василь честный, богобойный чловѣкъ, а вы богатый Федоре — — пяниця! — Федоре! богатство минеся, а честь николи: честь, и добродѣтель естъ безсмертна. Вы сердитесь на честного Василя, то е естественна причина; бо каждый чловѣкъ лемъ собѣ ровного любить: такъ пяниця пяницю, злодѣй злодѣя, а честного чловѣка убѣгае. якъ бы стыдався отъ него. Такъ Василь въ цѣломъ селѣ подобного собѣ не мае; бо посмотрѣте его будинки. и всю худобу, все въ рядѣ находится, обыстя его изъ тесаного дерева усиловно справлено, жупою грубо закрытое, пелевня и стайнѣ въ рядѣ стоятъ, и лѣпше, поряднѣйше приспособленни, якъ ваши обыстя; стадо его тучное, поле его такъ якъ загорода обробленое, — пчолы лемъ у него самого суть, онъ за самый воскъ и медъ по сто золотыхъ достане каждого року, у него возы кованы и все потребное находится, онъ не долженъ никому, порцію выплатитъ честно, и грошеньки мае за достъ. — А вы, о пяниця! — што у васъ? обыстя вамъ спадали, не штобы стада, но и пса не мае, поле жиды сѣють, голодомъ моритесь, — дѣти вамъ не учатся, словомъ вы всѣ уже жебрацы, бо паленка вамъ не допустить дашто мати; паленка такій дѣдко, што отганяе счастье отъ дому, отъ неи утѣкае имѣние, якъ чортъ отъ священной воды!

Олена. А што вамъ до насъ, и до вашихъ дѣтей? вы смотрите Богумилины дѣти! — О знаеме мы, чому вы къ ней бѣгаєте!

Мудроглавъ (не внимае на Олену). Честноживъ Василь днемъ робить колеса, возы и всячину строить, и самъ добрый приборъ мае, и людей спомагае, каждый день два золотъ собѣ заробить, въ ночи струже, робить, мало спитъ, бо уже въ першихъ когутѣхъ встае, и передъ зорями го видно на поли.

Олена. Съ Богумиловъ; — ой знаеся то!

Мудроглавъ. Такъ е, съ Богумиловъ; бо и она працуе, хоть землѣ не мае, цѣлый день робить, въ зоряхъ траву зберае, корову кормить и прото больше молока и масла мае, якъ вы, дѣточки еи робятъ и учатся, а вы въ пьянствѣ и лѣнивствѣ лежите, якъ цигане: прото Господь благословивъ ихъ. — Люде позоруйте, абы вамъ праца невинныхъ горенька не была, бо кровави труды Честножива и Богумилины до неба кличуть, такъ якъ кровь невинного Авеля!

Чмуль. Панове Газдове! я бы вамъ радивъ, жебы сте того дурного Прецектора ту лишили, няй вамъ ся любить до мене, — я го тамъ непущу, — видите, же го дурный!

Судія. Но куме, дай тамъ Васильови и той собацѣ по 12 палиць, — а вы Дяче, завтра съ Богомъ изъ села, мы такого мудерця не потребуеме! — Но братя до Чмуля! (идуть).

Мудроглавъ. Идите, идите до вашей пропасти; выведе васъ Чмуль на добрый конецъ! — Онъ, онъ то ту злодѣй, съ Юркомъ, и такъ знае обмантити розумъ шаленыхъ — пьяницъ; — (къ Гайдукови обернеся). А ты недо-смѣлѣвайся перстомъ кинути тыхъ честныхъ людей; — доразъ выпусти ихъ изъ безчестной колоды, до котрой вы придастесь! (иде, высвободить Честножива и Богумилу, при-томни чудуются; Мудроглавъ къ Судіи) А теперъ, дайте имъ назадъ худобу, бо горенько ѣ платити будете!

Судія. То nebude! (отходятъ).

Мудроглавъ. Припали съ нову до Чмуля; но уже по шию въ пеклѣ суть; а то вшытко про паскудну паленчиску! — О Боже, просвѣти ихъ! къ Честноживу и Богумилѣ). Идемѣ и мы отъ туду, бо ту грѣхъ и неправость, — не журьтѣся, Господь поможе вамъ; лемъ Богу служьтѣ и працуйтѣ, и вся навернутѣ вамъ! (Отходитъ.)

ПЕРЕМѢНА.

(Садъ, по нему пѣшникъ. Богобой стоишь на пѣшничку, прислухуея; — съ далека слышатш спѣвъ и розговоръ).

Богобой. А тамъ дѣточки идутъ и веселятѣся; о якъ прекрасный е молодой вѣкъ! — о я уже больше не розвеселюся! (Дѣти колесаревы, Богумилины и Лестобратовы приходять спѣваючи, каждое несе зайду велику, Богобой къ нимъ). А де вы были, дѣтятка, такъ весело идете?

Антоній. Въ хащи были 'сме дѣдочку, сбералисьме грибы, и ци видите, якъ много несеме?

Татьяка. Хотите дѣдочку и вы? — выберите собѣ. колько вамъ ся любить — (Отвирае зайдочку).

Богобой (бере собѣ еденъ грибъ). Боже ти заплачь дѣтинко! (Дѣти всѣ отвѣраютъ зайдочки, и просятъ.) Дѣдочку и изъ моихъ, и изъ моихъ берьтѣ собѣ; — о вѣдь у хащи е досыть, — берьтѣ собѣ! (бере отъ каждого). Богъ вамъ заплатитъ, рыбятка. — А ци вы каждый день ходите на грибы?

Антоній. Каждый день, еще передъ зорями, и такъ коли до школы треба ити, уже дома 'сме.

Богобой. Та што чините съ грибами?

Антоній. Та все маеме на обѣдъ и на вечерю; потому сушима и сухъ дорого продаеме въ мѣстѣ. — Дѣдочку, мы и гроши маеме; — я уже двадцать золотыхъ маю.

Татьяка. А я маю уже пять золотыхъ срѣберныхъ, таки двадцятники маю, якъ снѣгъ!

Богобой. Та за сами грибы только насбирали 'сте?

Татья. О нѣтъ, дѣдочку; — бо то съ весны на яръ знаете, идеме въ лѣсъ, збераеме цвѣточки, наплетеме косички и несеме до мѣста, тамъ Панове отъ насъ купуютъ; — бо то Панове люблять косицы, а една Панѣ все и хлѣба намъ дасть и гроши.

Андрей. А въ лѣтѣ на потоцѣ рыбы и раки ловиме, и дому принесеме, продаме, бо то Панове слизики такъ купуютъ, а за пструга великого и двадцятникъ дадутъ; пакъ идеме на грибы, на ягоды, на черешни, а въ осени на лѣснаки, — знаете коли чому часъ; и такъ и сами маеме, и людьомъ продаме за пѣнязи, такъ собѣ сбераеме, о мы уже много грошей маеме!

Богобой. А птички не ловите?

Андрей. Нѣтъ дѣдочку, бо учитель такъ гварить абы птички не рушати въ лѣсѣ; бо птички такъ миленько спѣвають и увеселяють сердце, пакъ и вредныхъ черваковъ выѣмають и воздухъ чистятъ; о мы не рушаеме ихъ, нѣй растутъ, якъ ихъ Богъ створивъ.

Настя. Видите дѣдочку, намъ няньойко цѣлу одежу купивъ за наши гроши, и еще двадцять золотыхъ маеме, мы дали Панотцови сховати: о то намъ ся придасть!

Антоній. А я собѣ купивъ и одежу и ремѣнь, ножикъ и книжочку; — такій красный молитвенничокъ маю, и еще одну книжочку читальную, знаете, што у Пряшовѣ продавають! еще и пѣнязи маю, а якъ больше назбераю, та пойду до школы до мѣста, тамъ буду ся учити.

Андрей. И я бы ишовъ, айбо мой нянько наши гроши забравъ, о уже и я бы бывъ мавъ 25 золотыхъ, але нянько ихъ проклятому жидови давъ за паленку: — о я уже му больше не дамъ, ай понесу Панотцови одложити; и якъ засъ назбераю, та пойду до школы.

Марька. И я лемъ одну хусточку купила; а хоть много грошей мала емъ, але нянько и мои до Чмуля

относь и пропивъ; — айбо я му уже не дамъ и я Панотца понесу сховати.

Богобой. Дѣточки! нѣй васъ Господь благословитъ вы на истѣ честнѣ дѣти; усилюйтеся, робъте, працуйт — знаете, же Богъ чоловѣка на працу створивъ, х працуе, усилюеся, той и мае, но все съ Божовъ помощо бо знайте дѣточки: якъ мы Богу, такъ намъ Богъ, якъ присловко е: якъ ты Богу до церкви, такъ то Богъ до мѣшка! — Не смотрите вы Федорця, бо безчестный; Ой изъ того ничь доброго не выцвѣне!

ЯВЛЕНИЕ VI.

Колесарь, Богумила, Параска и пружніи.

Богумила (плаче, руку ламле.) Ой дѣточки мои, дѣточки! уже я васъ доховала! о 'де вы ся теперъ подѣте!

Антоній и Настя (разомъ.) Мамо, што вамъ е, чом плачете, мамочко?

Богумила. Ой дѣточки, дѣточки, злочестивіи суд взяли намъ корову, и все забрали, голу хижу нам оставили, — а што найгорше болить, мене за злодѣй держать; — все имѣніе мое и честь пропала!

Антоній (дивится.) А прошто?

Богумила. Богъ ихъ вѣдае про што; всю мою худобу и колесарьову забрали и Многомавови и Чмулеи отдали, больше якъ 50 галбъ паленчиска на нашъ рован напили и теперъ еще пьютъ непрестанно. О дѣточка рыбятка, де вы ся подѣте?

Честноживъ. Сусѣдко, не журьтеся! Господь н бесный видитъ нашу невинность; не опуститъ онъ нас — о наша справедлива праца не згине, Богъ такъ хотѣи искушати нашу постоянность, абы насъ достойны учинивъ своей милости; — ци памятаете, якъ Панотеи казавъ на проповѣди за праведного Іова, якъ он утративъ всю худобу свою, а покойно сносивъ в нападенія, всѣ кривды и Господь помиловавъ 'го,

сторицею наградивъ му имѣнія? будьте поконы, упоивайте на Господа: онъ милосерднѣй Отець, онъ дае, онъ бере, въ Его власти суть вся, — да буде воля Его свята! — Далѣй узнайте сусѣдко, же якъ за зловъ тучовъ приємна погода, такъ за несчастьомъ, за смуткомъ приємна радость и веселость приходитъ!

Антоній. Не журьтесе мамко, Богъ не опустить насъ! Онъ сиротамъ Отець! — Порадима мы тому, я вамъ мои гроши дамъ, та купите собѣ корову, будете ся съ нову спомагати, Господь вамъ допоможе!

Татька. И я вамъ дамъ мои грошеньки, та будете мати на потребу. — О мамко, не годни мы вамъ оплатити за вашу старость, котору вы о насъ мали; о негодна дѣтина отслужитися родинѣ своей; прото матушко, приймите отъ насъ вдячно, што можеме вамъ дати; а не журьтесе, перетерпите кривду, знаете, якъ учитель казавъ, абы кривды терпеливо сносити, бо хто въ несчастью непокойный, самъ себе губить, якъ уловленна птичка, котра чѣмъ больше мечеся, тымъ горше ранится!

Богумила. Няй вамъ Господь нагородить, rybята! Теперь вижу, яка я счастлива, бо Господь ми давъ богатство великое въ моихъ дѣточкахъ добрыхъ. -- Антоньку! я хотѣла тебе до школы давати, а, о Боже мой! я теперь уже не годна; — ой то великій жаль!

Антоній. Не старайтесе Мамко, у Господа суть богатства, поможе ми Богъ! знаете якъ учитель казавъ: же *Добродѣшель превышаеш богашство*. Сердце доброе, и богобойное, чиста совѣсть, добрый розумъ, и честь суть таки богатства, што ихъ никто не годенъ отъяти. Не журьтесе мамко, пойду я самъ до свѣта, Господь поможе Египетскому Юсифу и минѣ поможе; — и Татька пойде служити, — но, ой мамонько, якъ жаль васъ оставити, але дармо!

Татька. Я пойду до мѣста, буду служити, а гроши вамъ дамъ, и все буду вамъ посылати; -- ой годна я

уже робити, бо вы мене научили працювати; не плачьте мамко, Богъ намъ поможе!

Иванко и Настья (разомъ.) Няню, и мы вамъ даме наши гроши, спомагайтеся съ ними, Богъ вамъ поможе!

Честноживъ (плаче.) Ой дѣточки, няй васъ Царь небесный благословить; — то вы въ школъ научилися, на истѣ въ школъ! о якъ то великое счастья, хто може до школы ходити, якъ сердце радуется, якъ тамъ молодое серденько справитя, о на истѣ Богъ помилуе и васъ и учителя вашего.

Иванко. Няньочку! прошу васъ, позвольте и минѣ съ Антономъ ити; я буду ся ремесло даякое учити, та буду вамъ помагати!

Настья. И я бы ишла до службы, але вы якъ останете сами? о Боже мой, кедь бы моя мамочка жила; а теперъ я съ вами обстану, буду ся отъ нашего Профессора учити, и вамъ помагати робити; бо кедь бы вы похворѣли, або заупали, хто бы вамъ помагавъ? — Я лемъ вамъ буду служити, няньочку любезный! — Но ты Иванку не забывай за насъ!

Андрей. Мамко! и я пойду, буду ся дашто учити, приготуйте прошу васъ, и минѣ платя, поїдеме въ едно, Господь попровадить насъ!

Марька. А я повинна дома обстати. Нянько бы вшытку худобу промарнивъ, та матери греба помагати; — ой Боже мой, Боже, кедь то пяницины дѣти отъ сироты горши!

Параска. Ой дѣточки мои, яка я счастлива, же васъ Богъ такъ просвѣтивъ! — Иди Сыноньку съ Богомъ, але все на Бога памятай, на насъ не забывай; молися щиро Створителю, абы и отца твоего просвѣтивъ, и отклонивъ 'го отъ злого обычаю; бо онъ, — о Боже мой, — съ Федоромъ по корчмахъ блудить, и все промарнить!

Татьяка. Настько и Марько, сестрички, о якъ ми жаль отъ васъ розлучитися: но я такъ умѣнила собѣ и

съ Богомъ лемъ пойду; але прощу васъ, дозерайте любезну мамочку мою, бо она сама якъ палець, прощу васъ, будьте ей на помочи! (Отходятъ всѣ, лемъ Богобой останеся).

Богобой. Слезы точатся челоуѣку видящему только нравовъ, такъ много душевныхъ силъ въ невинныхъ простихъ дѣточкахъ. — О якое то счастья для челоуѣка Школа! якъ тамъ духъ, сердце и мысль просвѣтится! — бо сравнимъ одного школяря съ другимъ неученнымъ хлопцомъ, а яка между ними разлука, якъ между голубомъ а ястрябомъ! школьски дѣти усилюются працювати, робити, а лѣнивиі, пецухи лемъ бѣгають, лѣтають, и вдячнѣйше по жебрѣхъ пойдуть, якъ роботы пріймуть; хтобы бывъ то думавъ передъ десять роками, же една дѣтина забавляючися черезъ лѣто 25 золотыхъ може собѣ заробити; кому бы было пришло на розумъ, же за гриби, ягоды, лѣсняки, черешни, косички една дѣтина себе одѣти, и еще гроши собѣ набити годна? — а потомъ, якъ доброго и щирого сердца суть школяри, убогого жебрака якъ вдячно, якъ щиро, якъ радостно спомогутъ, и щирою наремностію пожалуютъ! -- О давно того у насъ не было слышано, давно дѣти бѣгали, все лемъ игралися, камѣньомъ метали, по поли пастухами были, тамъ сваволили, грѣшили, кляли. одно отъ другого училися скарѣдно говорити, красти, шкоду робити, словомъ: давно дѣти росли якъ быдляга въ лѣсѣ, якъ дики люде, а Бога мало познавали, и просто выросли якъ дерева и безчестниі люде изъ нихъ сталися, горшіи отъ тяхъ, про которыхъ праведный Богъ свѣтъ потопомъ загладивъ; а теперь ажъ душа радуеся, кедь видить просвѣщенну, и ученну дѣтину, якъ она знае чести дати людемъ, якъ знае пожаловати худобного, якъ отца, матеръ честовати и спомагати, словомъ, же и росте Богу на славу, людемъ на годность и собѣ на пользу. — О Боже помози, абы нашъ народъ увидѣлъ сіе добро, и не жаловалъ маленьку ону платню, за котору другимъ ученнымъ народамъ сразнитися може! — *О школа, школа чравовъ сподола!*

ЯВЛЕНІЕ VII.

Честноживъ Иванка, Параска Андрѣя, Богумила Аншонька и Ташьку за руку веде, маюшъ зайдочки на плечахъ и палицы въ рукахъ. Марька, Настя ихъ плачучи выпроводжаюшъ, Мудроглавъ съ ними иде, а Богобой сшоитъ и призераея; — съ далека Федорцо подскауе и больше дѣшей.

Антоній. Мамко любезна вернитесь уже дому, вернитесь, мы помаленьку пойдемe, 'де насъ Господь попровадитъ!

Татьяка. Вернитесь уже, а не журьтeся, мы такъ будемeся справовати, якъ вы насъ учили; — суть еще и тутъ добріи люде, они васъ будутъ тѣшити и ратовати, а мы вамъ заженеме, што буде можно, поздоровѣте еще разъ нашего доброго Пана Отца, будьте здорови!

Андрей. Вернитесь и вы мамко, а давайте позоръ на няня, не пуцайте 'го до корчмы, няй васъ Богъ милостивый помилуе!

Честноживъ. Сыне мой, и вы дѣточки, няй васъ Отець небесный провадитъ, уповай на Господа, злое дѣло убѣгай и чисту совѣсть сохраняй, бо добра совѣсть е потѣха въ бѣдахъ; — словомъ отдавай Божое Богу, Царево Царю, а людемъ чини то, што отъ людей самъ собѣ желашь, такъ Господь буде съ тобою! — Богъ няй тя провадитъ, и Ангель хранитель веде!

Мудроглавъ. Не такъ дѣточки! — поставайте рядомъ! (въ рядъ поставаютъ). Вы дѣги, неискусніи, до широкого свѣта беретeся, якъ пгички изъ гнѣзда, на крыла пуцаетeся; — но вы еще свѣтъ непознаете, я васъ научу, слушайте: Свѣтъ изобразите собѣ якъ едно великое село, 'де суть разныхъ половъ, племень и разныхъ нравовъ и обычаевъ люде; тамъ суть честніи, богобойніи, справедливи, усиловніи, добріи люде, але суть, — и то съ большей части, суть лѣниви, неправедніи, безчестніи,

безбожніи, лукавіи, фалшивіи окламники, заздростливіи, словомъ свѣтовіи люде. — Но знайте, же честный, богобойный и усиловный человѣкъ отъ неправедныхъ дуже много скорбей и гоненій терпитъ, бо діаволь пекельный всягды мае своихъ помощниковъ, которіи на праведного нападають, такъ якъ яструбы на невинныхъ голубовъ, якъ волцы на ягнята; — но Ангель хранитель заставляе праведного, хоть и многоразъ Господь допускае на человѣка бѣды, но не оставитъ 'го съ всѣмъ; хоть и допускае на него искушенія, якъ на праведного Іова, на богобойного Іосифа Египетского, но пожалуе его, якъ милостивый Отець, и потѣшитъ 'го съ нову. — Прото дѣти Бога на сердцѣ майте, всегда съ честными людьми схожайтеся, съ богобойными товариште, а злыхъ, фалшивыхъ, нечестивыхъ, лѣнивыхъ остерѣгайтеся, бо *блаженъ мужъ, иже не иде на совѣсть нечестивыхъ!* Наибольше варуйтеся отъ пьяницъ, и такі реченныхъ коргельовъ, марнотратниковъ и бездѣльниковъ, отъ корчмы утѣкайте якъ отъ бѣса пекельного, паленку и много напою не вкушайте, свѣжа водичка ний буде вамъ напои, а хлѣбъ ѣдло; но и остерѣгайтеся отъ безчестныхъ особъ, они прельсѣютъ сердце, и приводятъ на блугъ человѣка! Далѣй: до церкви усиловно ходьте, Богу ся мольте, каждому честь давайте, и не стыдайтеся убогихъ вашихъ но честныхъ родителей, не ганьбитеся повѣсти, же вы Русины; народъ вашъ въ чести держите, и заступайте; — такъ Отець небесный благословитъ васъ, подасть вамъ силу и поможе вамъ въ всѣхъ дѣлахъ и скорбехъ вашихъ; люде же будутъ васъ честовати и такъ съ помощію Божию найдете сокровище на небѣ и на земли! Теперь же дѣточки поклякайте на колѣна, испросьте благословеніе отъ родителей, и такъ въ имя Господне пусться на крыла, счастья ваше глядаючи! (Дѣти поклякають и родители ихъ благословлять, и такъ повставають, цѣлуютъ родителей, учителя и друговъ говорячи:)

— Будьте здорови! (Пристоящи плачуть, а дѣти посбираются спѣваючи:)

Сбѣраѣмся дѣти,
 Якъ птички на крыла;
 Широкій бѣлый свѣтъ,
 Всягды земля мила!
 Всягды едно солнце,
 Всягды една доля,
 Всягды промысль Божій,
 Всягды Его воля.
 Хоть куда поидеме,
 Все Богъ буде съ нами,
 Онъ насъ попровадить
 Горами, лѣсами,
 Хоть 'де повернеме,
 Все Богу служити
 Будеме, и честно,
 Богобоино жиги. —
 А вы братя люди,
 Здрави оставайте,
 Няй васъ Господь тѣшитъ,
 Насъ незабывайте!

(Еще разъ идуць и цѣлуютъ своихъ, и отходятъ).

Богобой. Галть дѣти! вы сами не поидете, вы свѣтъ не познаете; — я поведу васъ и заведу въ широкій свѣтъ хоть на одной нозѣ, укажу вамъ дорогу, и буду вамъ за вожда; — ну смѣло за мною! (Богобой напередъ, дѣти за нимъ идуць).

Федорцьо. А 'де вы идете хлопци?

Антоній. Будь здоровъ, а полѣпшайся, честно ся справуй, иди до школы, а слухай учителя!

Федорцьо. Не учи ты мене; но лемъ идьте оборванци, м-нѣ не потребно съ вами ити до свѣта, я не свѣтовый; — о вижю я и ту съ моими дукатами, менѣ нянько купить село, то я буду паномъ, ажъ буду, а вы можете и до Вѣдня ити, та все жебраки будете!

ДѢЙСТВІЕ III.

(Случаешся по 10 годахъ позднѣе).

Домъ Федоровъ.

ЯВЛЕНІЕ I.

Федоръ въ удобной кучѣ сидишь на лавицѣ, въ лихой одеждѣ, въ хижѣ не е ничего, и журишься. — Олена лихо одѣша, боса, стоишь въ кушѣ, и плаче.

Федоръ. Правду ми Панотецъ казавъ, правду гваривъ и учитель, но я не слухавъ, удобка минулася, грошеньки чортъ забравъ, хижа спустѣла, теперъ кусокъ хлѣба не маю! — О пріятели мои, 'де 'стеся подѣ ти? Покля Федоръ богатый бывъ, покля кормивъ, поивъ лестниковъ, та и пріятелей мавъ, а теперъ не пожалуе нѣхто удобного Федора; такъ то правда, же удоба въ самотности, удобного каждый потупить, удобный стыдится каждого; — але и то правда, же Богъ платить каждому справедливо. О дукати мои, якъ ми ся минули, я думавъ, же на вѣки будутъ держати; а теперъ богатый Федоръ голодент, оборванный, босый якъ песь; — о Боже помилуй мя!

Олена. Ой такъ, можешь ты уже молитися, коли есь промарнивъ богатство, и мене несчастною учинивъ. О кедь бы была я того знала, никда бы я твоя жена не была; — я выгодована якъ соколикъ, выросла въ богатствѣ, въ роскошахъ, а теперъ хожу ги циганка кусокъ хлѣба жебрючи, а то все про тебе марнотравнику, — ой нагнавъ ты мене до кузього рожка! Федоре! я ты лишу, я съ тобовъ больше жити не буду.

Федоръ. Якъ ти дяка. То правда, же я марнотративъ, я забывъ о Божѣ, я до дѣдка живъ; но и ты лѣпша не была. — Олено! 'де мужъ марнитъ, тамъ польбѣды, але 'де жена блудомъ ходитъ, 'де жена пессьими путями ся пуститъ, тамъ вшитко до дѣдка пропадае.

ЯВЛЕНИЕ II.

Богумила убрана порядно, несе горнецъ молока и бѣлый хлѣбъ и дае Оленѣ :

Богумила. Сусѣдко не потупьте Божій даръ, ану похлипайте мало солодкого молока, а закусьте хлѣбика, бо вы дуже хвора, прошу васъ пріймите!

Олена (съ презрѣніемъ). Я отъ тебе не прошу, держь собѣ твое молоко; о я не стерплю, абы ты изъ мене смѣхъ собѣ чинила! (обертается отъ Богумили).

Богумила. Сусѣдко не сердитесь, пріймите ласкаво; видите' мене Господь помиловавъ, няй му буде честь и хвала; — я вамъ все принесу; вѣдь Богъ прото намъ удѣлитъ, чтобы 'сме и другимъ удѣлили, прошу пріймите пріятно; Господь милостивый еще и вамъ наверне, такъ якъ менѣ навернувъ, не отчавайте, упуйте на Господа, онъ самъ годенъ васъ потѣшити!

Федоръ. Боже вамъ запласть сусѣдко! о вы честна особа, я стыжу ся вамъ до очей поглянути, я васъ дуже оскорбивъ, но теперь Господь заганьбивъ мене пышного. Сусѣдко, молю васъ, отпустите ми великій мой грѣхъ!

Богумила. Любезный Федореньку, не оскорбили вы мене, я о томъ больше не тямлю; — Божое то расположеніе, да будетъ воля Господня! Божа воля, что бы кривды терпеливо сносити; о колько разъ прогнѣваеме Бога, и Онъ всемилостивый прощае намъ; онъ поможе и вамъ, лемъ неопустьтесе Его, не отдалился рука Божая отъ васъ, памятайте на святіи слова Пророка: *Услышишь шя Господь въ день печали, — послешъ ши помощь ошъ святаго, и дастъ ши Господь по сердцу швоему;* оставайте здоровеньки съ Богомъ! (отходитъ).

Олена (мечеса). Еще и тотя собака высмѣваеся съ насъ! Федоре! я то не годна стерпѣти, — я иду, я ты не буду, пойду межи люде, 'де мя ниhto не знае, волѣю служити, а смѣхъ изъ себе чинити не дамъ!

Федоръ. О ты скарѣдна грѣшнице, и доброе дѣло не узнаешъ; ты завзята бабище; подякуй Богу, же ты люди не лишаютъ; въ бѣдахъ, и скорбехъ еще гордиться, то уже истинное неблагодарство, то злоба діаволя! — О Боже мой милосивый; о праведенъ еси Господи, и прави суть суды твои! (бере горнецъ и хлипае). Такъ богатый Федоръ худобному никда еденъ пѣнязь не удѣливъ, а теперъ изъ чужой ласки годуеся! На Олено похлипай. а поправся! (Олена гнѣвливо бере и ѣсть).

ЯВЛЕНІЕ III.

Честноживъ и прежній.

Честножиъ. Дай Боже вамъ здоровля сусѣдко! не презрите Федоре, што ми Богъ помиловавъ, приймите вдячно! (Дае Федорови еденъ хлѣбъ, и груду сыра).

Федоръ (плаче). О брате мой, та ты не сердишь ся на мене? — О брате Василю, якъ я стыжуся, якъ я тебе образивъ, и розсыпавъ, а ты еще помагаешъ менѣ въ моей узкости! О сусѣдко, ци можешъ ты ми отпустити мою вину? я тебе презрѣвъ, а ты въ узкости мене защищаешъ. Брате, кедь бы съ видѣвъ сердца мого рану, то велика болѣзнь, то въ смятеніе, то въ стыдъ приводитъ душу мою! (на голосъ плаче).

Честноживъ. Федореньку перебачьте, не журьтеся, уповайте на Господа, помните на праведного Іова: „Господь давъ, Господь взявъ; да буде воля Его свята.“

ЯВЛЕНІЕ IV.

Мудроглавъ и прежній.

Мудроглавъ. Федоре, адде вамъ Панотецъ пославъ мѣрку зерна, и поздоровляе васъ, абы 'стеся не

журили. Зачните съ нову во имя Господне працювати; бо солодшій ячменный хлѣбъ властными руками заслуженный, якъ изъ чужихъ рукъ пшеничный!

Федоръ. Господь ный заплатитъ вамъ и Панотцови! Но я стыжуся Панотца, и васъ соромлюся, бо я васъ дуже оквиливъ.

Мудроглавъ. Ничь не стыдитесь! Панотець не гнѣваеся и я не уважаю на минувшее время; лемъ вы Федоре зачните другій животъ, працюйте, мозольтеся, а на корчму крестъ вержите, та вамъ Богъ поможе, у Бога суть богатства, онъ исправленного грѣшника милуе, и помилуе!

Федоръ. Ой такъ, пане дячку, та якъ зачати? ани худобки, ани серстины не маю, ани землицѣ, словомъ ничего на свѣтѣ!

Мудроглавъ. Та дайтеся до ремесла, до якои либо работы, наприкладъ научитеся коши плести, рѣжьте прутя, то не тяжко ся научити, не ганьба и мѣтлы правити, и коши на возы, и на другіи потреби правити — забавка лемъ, и изъ того честно можъ выжити. Соединитесь, спойтеся съ честнымъ колесарьомъ, онъ васъ буде управляти, и такъ съ помощію Божією еще можете достигнути ставъ прежній! —

Федоръ. Боже васъ благослови, Пане дячку; ажъ теперъ вы менѣ розума додали, на истѣ такъ буде, о уже не боюся голоду! Брате колесарю, я тебе дуже образивъ, но прошу, и перепрошую тя, отпусти ми, прійми мя къ собѣ за помощника, я знаю и робити, буду кошики плести, буду ся усиловати, буду съ тобовъ робити, буду ти служити якъ найвѣрнѣйшій слуга! О дай Боже здоровля, не боюся голоду; — жено не журься, ты будешь прутя рѣзати, я кошики плести, Богъ намъ допоможе!

Олена. Та плеть собѣ, тай плеть, я не прото ся отдавала за тебе, абымъ кошики плела, верни мою худобу, штомъ ти принесла!

Федоръ. Твоей худобѣ ты сама шію сломила, пусто жіючи, лежачи и роскошующи, надобыла есь, што тепѣрь маешь; якъ есь собѣ постелила, такъ будешь и спати.

ЯВЛЕНІЕ V.

Чмуль въ шапцѣ, и не поклонишся, — и прежній.

Чмуль. Федоре порахуймесь, я уже не могу такъ довго ждати! — бо де мой интересъ, де лихва отъ грошей? еще довженъ есь, 97 золотыхъ 48 крейцаровъ въ срѣблѣ. Но коли выплатишь? ге?

Федоръ. Чмульку! Богъ ти заплатитъ, я уже не маю чимъ платити; — вѣдь вшитку худобу мою забравъ еси, та де бы я ти довженъ!

Чмуль (съ гнѣвомъ). Хго? я забравъ? твою худобу чортъ забравъ не я не злодѣй, я ти не приписавъ, о достъ моей худобы у тебе пропало, ты мене россыпавъ, я про тебе по жебрѣхъ пойду, а еще смѣешь повѣсти, же ты ми не довженъ; ци уже не тямишь, же ты и Олена и Федорцо все есте пили якъ дуги? але уже вамъ не дамъ ани на лѣкъ!

Федоръ. Ой привювъ ты мене на рядъ, про тебе я цундрями трясу, и цѣлое село опустѣло; ты выссавъ мою кровь, Антихристе; ты покравъ мою и всѣхъ насъ худобу, злодѣю, ты змій люди переводящій, горшій отъ того, што Прародителей въ Раѣ перевювъ и окламавъ!

Чмуль. А якъ ты ми смѣешь такъ брехати, ты простый, смердячій Русначе, ты глупый Русинъ, ты простакъ! ци ты не знаешь, же я панскій Арендарь? ци я тя не учивъ: о Федоре не пій такъ, пошкодить ти на здоровлю, Федоре, што ты чинишь, ты на нивочъ выйдешь? — такъ я ти все гваривъ, и просивъ емъ тя, абысь не пивъ, а ты мене не слухавъ. Я мусѣвъ ти давити; — о, я про тебе не тысящъ золотыхъ шкодовавъ, бо много разъ забывъ записати; но але то уже пропало, хоть лемъ заплати што записано!

Федоръ. Ой, пропавъ бесъ зводителю, ты забывъ записати, познаю я твое діавольское перо, оно десять разъ пише, збавивъ есь мя худобы, збавивъ обыстья, чести, здоровля, и розума, мое богатство пересунулося до тебе, Юрко ти помагавъ ; теперь уже и сына моего до товариства есь пріявъ. Няй ти Богъ заплатитъ !

Чмуль. Увижу я, научу я тебе пяницю, дай гуню, и вонъ изъ дому, то мое, то менѣ честна громада отсудила !

Мудроглавъ. Жиде, враже пекельный ; ты окламнику, ты діаволе, ци уже ти не доста, о ты бежбожный чорте, не спокоишься съ тымъ, же цѣлое село про тебе спустѣло, же выссавъ есь уже честныхъ христянь, уже и душу хочешь вылупити отъ людей, — о найду я и тобѣ рядъ !

Чмуль. Я съ вами не маю ничъ, — а е я и вамъ укажу, я васъ до прецесіи возьму, укажу я вамъ, якъ треба паньского арендаря чествовати !

Честноживъ. Иди, пропадь жиде, ты лудигроше, иди до дѣдка ! (выдрылитъ жиде вонъ). А ты Федоре пойди до мене, я ти мое обыстья не жалую, бо Господь просвѣтивъ тя, хотъ уже и мало поздно ; но все не поздно, покля челоуѣкъ жіе, бо лемъ по смерти не е покаянія !

Федоръ. Та ты менѣ годенъ отпустити кривды мною учиненіи ? О брате, забій мя, брате, я не годенъ твоей милости !

Честноживъ. Богъ няй ти отпуститъ, прійди, и буди ми братомъ ; мое буде и твое ; но честуйся, на корчму больше не позерай, а отъ жиде, якъ отъ бѣснаго пса утѣкай ! (идуть).

Олена. Ты идешь Федоре, а я што буду чинити ?

Честноживъ. Якъ есь робила, такъ и маешь, якъ есь собѣ постелила, такъ будешь и спати, якъ есь посѣяла, такъ будешь и жати ; — маешь руки, та працуй,

до рта руками хлѣбъ иде; хто не робивъ въ молодости, нѣй ся учить у старости! (Отходятъ всѣ, Олена за ними нарѣкаючи.)

ЯВЛЕНИЕ VI.

Храбростой, военный Официръ приходишь, сѣдѣ на серединѣ, размошрюе.

Храбростой. Ту они будутъ, о мои люде вынайдутъ ихъ. То уже диво, такъ маленькое село и сами разбойники; тутъ е складъ разбойниковъ; но уже я нападѣ на него, о мои хлопцѣ розумѣють того!

ЯВЛЕНИЕ VII.

Вояки вѣдушъ мошюзями повязаннаго Федорца, Юрка, и Чмуля и привѣдушъ ихъ къ Официрови.

Храбростой. Но въ рукахъ есте злодѣи, давно я за вами трудился, берѣте ихъ!

Чмуль. Великоможный эксцелленція Панъ Официръ, я паньскій Арендаръ, я честный человекъ, хто на мене дойде злодѣйство? я прошу, пустите мене въ покой, бо я свою честь правомъ буду глядаги!

Храбростой. А ты пессій сыне, ты всѣмъ злодѣямъ начальникъ: о познаю я тебе; думаешъ, же утаено твое злодѣйство; — а хто Многомавови гроши, а хто конѣ, волы, коровы, а хто Панотцово зерно покравъ? — ге? о то уже на свѣтъ вышло. Юрку! и ты невинень? а хто ти товаришь?

Юрко. Та хто бы бывъ, якъ адде Чмуль и Рѣзникъ и Федорцьо? а инде суть други.

Храбростой (къ Федорцьови). Такъ Сыноньку красивый! ты молодой червакъ, и уже-сь до красного ремесла пустивъ ся, о ты уже совершенный злодѣй! — А хто перешлой недѣли Шафраника опустошивъ? но де товаръ?

Федорцьо У Чмуля е.

Чмуль. То неправда; — я присягну, же я не видѣвъ, абы'-мъ ослѣпъ, кедь емъ видѣвъ!

Храбростой. Но, но, лемъ не мечь ся жидику, то уже моя старость, то найдеса! — А дротаря хто заморочивъ подь мостомъ?

Федорцьо. То не я; -- то Юрко.

Юрко. А ты нѣтъ? — та хто му голову проваливъ?

Храбростой. Доста уже доста, уже знаеса все, лемъ ведьте ихъ, а дайте позоръ, абы не утекли!

ЯВЛЕНИЕ VIII.

Олена наремно прибѣгла.

Олена. Ой сыноньку мой Федорцю, а хто на тебе наводитъ? -- ой соколику мой, соловѣйку мой, рыбонько моя!

Храбростой. Што то за покуса? ци и она къ нимъ належитъ?

Олена. О сыноньку, та што то на тебе враги сплели? — (къ Официрю). О паноньку, будьте ласкави, мой сынокъ такій, якъ Ангеликъ, онъ ани курятко не рушивъ, онъ еще и одного воробця не ударивъ, то блага дѣтина, небожатко невинное якъ ягнятко; — о пустые го, бо доразъ ми сердце пукне, рассыплюся отъ болести! О Федорцю, Федорцю! (цѣлуе го).

Федорцьо (дрыливъ ю отъ себе). Иди, пропадь, ты не моя мати, ты винна моего несчастья; о ты несчастна мати, ты отповѣдати будешь за мене на страшномъ судѣ; ой ты мене привела на безчесть, и на злодѣйство!

Олена. Федорцю, сыноньку! вѣдь я тебе любила якъ голубка, любила якъ мою душу; я загибала за тобовъ, я злому вѣтрикови на тебе не дала дунути, я тебе годовала якъ соколика!

Храбростой. И выговодала ворону, и ястряба, и тутка!

Федоръцо. Ваша любовь для мене злость была. Вы мене оттягли отъ школы, вы мене не пустили учиться, вы мене за сваволю и безчесть не покарали; — я ходивъ якъ блудный, людямъ чести урывавъ, съ дѣтьми ся на-деравъ, головы провальовавъ, учителя высмѣявъ, съ вами по корчмахъ ходивъ, бився, вадився, скарѣдно лаявъ, кривды, шкоды чинивъ; — а вы все мене защищали, мене хвалили, менѣ бодрости додавали, все изъ дука-тами, изъ богатствомъ косорили. — Прото я теперъ злодѣй! — о мамо; мамо дурна, ты мою участь заложила, а Чмуль съ Юркомъ совершивъ; и паленочка, ой тога пекельна смола помагала ми, изъ товъ заморочили мене, якъ рьбу маслагомъ! Ты мамо причина моего несчастья; — иди, не хочу тя видѣти больше!

Олена. Ой смутку мой смутку! чого я ся до-ждала!

Федоръцо. Нйй вамъ Богъ заплатитъ за мене!

Храбростой. Но беръте ихъ; — ступай! — А жи-дови худобу треба запечатовати; буде ся продавати, абы ся шкоды исплатили; — на передь Богумилѣ и коле-сарови мають ся шкоды выплатити, съ десять рочною лихвою, а честного судію, пяницю, съ присяжными по-вяжъте и берите; — но не забудьте Лестобрата понести! — Но ступай!

Чмуль (дае офицерови гроши, и мургае на него). Панъ великоможный царскій Офицерь! Я не виненъ, я чест-ный человекъ, я не злодѣй, цѣлое село повѣсть; хто до корчмы приходитъ, я каждому выслужу. — А Лесто-брата уже не е, еще въ зимѣ до пролубы упавъ, та затонувъ.

Храбростой. Бо ты 'го тамъ друливъ.

Чмуль. О я нѣтъ, я 'го не видѣвъ!

Храбростой. Ты нѣтъ, лемъ твоя паленка; упоивъ есь 'го; але не велика шкода, не треба буде мотуза. О-кедь бы всѣ пяницы пропали! — Но рушайте! (Отходятъ).

ПЕРЕМѢНА.

(С а д ъ).

ЯВЛЕНИЕ IX.

Федоръ съ колесарьомъ прущья струже.

Федоръ. Ажъ теперъ я знаю, што значить жити, о чому я того давнѣйше не знавъ? О, якъ веселится сердце и душа человѣка, коли честною працою руки занимаются, якъ здоровый е духъ, якъ здоровое тѣло, якъ солодкій кусокъ хлѣба руками заробленный, якъ весело ляже человѣкъ працою трудившійся, покойно почивае цѣлую ночь, а рано вставае веселый якъ птичка, здоровый якъ орѣхъ! О, распамятаюся, якъ унылый былъ менѣ цѣлый день, помѣщенья не мавъ, голова лупала отъ пьяства, ничъ смачно ѣсти не голенъ бувъ, цѣлый день ходивъ якъ отравленна рыба, сердце затвердѣло якъ бы ся на мнѣ босоркани носили, а теперъ день весело, и такъ скоро пройде, якъ рѣка, вечеромъ помолюся ляжу, въ ночи сплю покойно, раненько встану, къ Створителю воздых-чу, и радуюся, же жию. — О, кедь бы бувъ я того знавъ, якъ счастливый былъ бымъ до теперъ! — Но паленочко, ный ты уже громъ убье, больше ты въ моемъ ротѣ не будешь, моя нога жидовски пороги не перекрочить!

Честноживъ. Ный ты Царь небесный услышитъ! (указуе му, прутики складуе. А такъ брате, еденъ прутикъ за другимъ; завтра кошъ готовый буде, и уже три золоти заробишь, и такъ съ дня на день Богъ ти поможе!

Федоръ. Брате! еденъ жаль несносимый чувствую, морить мя грѣхъ великий, и якъ червакъ серденько грызе. Брате, я сына мого убивъ, я виненъ его несчастью, — О, кедь бы бувъ я Панотца и учителя слухавъ, кедь бы бувъ я сына до школы посылавъ, то онъ бы бувъ на той конецъ не прійшовъ! — О, я несчастный! якъ страшно отповѣмъ на страшномъ судѣ!

ЯВЛЕНИЕ X.

Настя порядно убрана прибѣгаетъ и, съ радостію кричишь съ далека.

Настя. Няньочку, Няньочку, радуйтесь! — Иванко пришовъ и Андрѣй, и Антоній, и Татъка, на такъ цѣфрованомъ возику, убрани якъ Панове, а конѣ таки, якъ татошы. — О, скоро бѣжьте Няню: — ни, ни, сюда идуть!

ЯВЛЕНИЕ XI.

Аншоній, Иванко, Андрей, Ташъка, по цаньски убрани приходящъ, а Богобой шкиншае за ними. Иванко бѣжишь къ Ошцу, цѣлуе 'го въ руки и лице, цѣлуе Настьку.

Иванко. Няню любезный, по десять рокахъ на послѣдокъ вижу васъ. О, якъ долгое время не видѣвъ любезного отца! — Няню солодкій, якъ я радуюся!

Честноживъ. О, дѣтино моя, сыне мой, Иванку дорогой! (обнимаются, цѣлуются, и плачуть).

ЯВЛЕНИЕ XII.

Богумила, Параска и Марька, и учишель лешашъ, Богумила Аншонія и Ташьку, Параска и Марька Андрейка обнимающъ, цѣлующъ, и гласкающъ.

Антоній. Мамочко солодка, мы вернулися, о, якъ радуюся, же васъ здорову вижу!

Татъка. Мамко моя прелюбезна, серденько радуеся, васъ уже видѣти; минули десять годы, я васъ не видѣла, о, якъ летѣла была бымъ къ вамъ, ай бо не можъ было, бо Антонько школы не докончивъ еще бывъ; о, слава Господу, же еще жѣете, же васъ вижу; и больше не отступлю отъ васъ ни на крочай!

Андрей. Мамушко солоденька, якъ вы маетеса, ци 'сте недостатка не терпѣли? — Слышалъ я несчастья Няньово — та дарьмо, якій животь, така и смерть, — няй съ Богомъ спочивае!

Мудроглавъ. Дѣточки и братья мои! я днесъ тrespещу отъ радости, бо услышалъ Господь гласъ моленія моего; Слава во вышнихъ Богу; о Господи хвалю тя, благословлю тя кланяю ти ся, славословлю тя, благодарю тя Господи царю небесный; теперь обновится яко орля юность моя, бо ущедривъ Господь боящихся его, яко той позна созданіе свое!

Федоръ (плаче и руки ламле. О, Боже мой, Боже мой, — лемъ я радости не маю; — и тому я самъ виненъ!

Мудроглавъ. Но дѣточки, скажите намъ, 'де вы были, и што 'есте надобыли?

Антоній. Любезный пане учителю! нашу участь и счастливу долю по Бозѣ вамъ наибольше, потомъ же родителямъ нашимъ благочестовымъ благодарити мы повинни; вы насъ просвѣтили, вы намъ доброе сердце, и чести любовь вкоренили, вы насъ счастливыми учинили. — Но слыште нашу судьбину! — Насъ честный Богобой, якъ Ангель хранитель провадивъ ажъ до Пешта, на пути учивъ и годовавъ насъ, якъ неискусныхъ чужестранцевъ; въ Пештѣ запровадивъ насъ до казармы; мы тамъ за одну цѣлу недѣлю были, а вояци насъ годовали хлѣбомъ и чимъ могли. Минувшей недѣли приходитъ отецъ нашъ Богобой, и мене съ собовъ взявъ, привювъ до великого дому, и одному молодому панови отдалъ мя. — Въ томъ домѣ заложилъ я основу моего счастья. Я моему паночкови вѣрно служилъ, шматы 'му чистилъ, — и до школы ходивъ. Паничъ мой про усилонность и вѣрность полюбилъ мене, ратовавъ съ книгами, одеждою и грошми, а на конецъ за пріятеля пріавъ; -- такъ я съ помощію Господа школы выходивъ, цензуру положивъ, а теперь, слава Богу, я адвокатомъ и директоромъ осталъ такой у моего богатаго панича барона Богослава, доволенъ ставомъ моимъ, и судьбою мнѣ опредѣленною. А Татьку тойже добродѣтель Богобой отдавъ сестрѣ того самого пана,

и такъ мы все въ одно бывали; она скоро научилася шити и вышивати, и всяки женски работы, честно ся справовала, и вѣрно служила, такъ же ю добра панѣ полюбила, всѣ ключи ей отдала, а теперъ дуже тяжко ю отпустила, но такъ богато обдарила, же ей худоба на три тысячи золотыхъ цѣнитися може.

Иванкс. И мене няньочку, честный Богобой запровадивъ до одного богатого купца, я тамъ служивъ и учився, купецъ полюбивъ мя, отдалъ ми въ руки весь товаръ свой, — я вѣрно, порядно имъ управлялъ, такъ усиловался, якъ собѣ самому; прото мой купецъ едину свою дѣвочку мнѣ за жену обѣщаль, красную якъ цвѣтъ, добрую якъ Ангель. Ой, я найсчастливѣйшій человекъ подъ небомъ; и того счастья вы няньочку и любезный учитель мой Мудроглавъ, такъ и хранитель мой Богобой строители; няй вамъ Богъ заплатитъ! — И прото, любезный няню, вы не мозольтеся съ колесами, подѣте ко мнѣ, я вами не буду ся стыдити, ни моя жена, она знае, же отецъ мой простой селянинъ.

Честноживъ. Я, сыне мой, ту умерти хочу, демъ ся народивъ, а працювати буду, покля ми сила стане; а ты провадь съ Богомъ свое купечество, но внимай, чтобысь никого не окламавъ, не окривдивъ, бо знай, несправедливо стяжанное имѣние разорится, схалѣе якъ снѣгъ весною отъ вѣтра солнца и дождя; — коли ты Богъ благословивъ, буди ему покорный, дай Богу славу, а людемъ честь, я больше отъ тебе не желаю!

Иванко (къ учителю). Но, вы приймите отъ мене, любезный учителю, ту маете! (дае му мѣшокъ съ грошми).

Мудроглавъ. Я не принимаю отъ тебе ничего, лемъ доброе сердце; сховай собѣ и дай нищимъ, я съ помощію Бога маю изъ дня на день больше не потребую, мое богатство е чистая совѣсть.

Иванко. Честно е, Учителю мой, та возьмите, и отдайте на Церковь, купите зъ того ризы; — але учините вы мнѣ еденъ даръ; я прошу васъ, дайте ми сына вашего, я му буду за отца, я его учиню человекомъ!

Мудроглавъ. За то благодарю тя и вдячно ти дамъ, бо симъ образомъ найбільшу есь ми учинивъ радость.

Андрей. А я матушко ремесло учився, — мене любезный отецъ нашъ Богобой запровадивъ до одного кушнѣря, тотъ честный и богатый майстеръ пріялъ мене, за три роки выучивъ ремесло, и уже свѣта походить; я бывъ уже въ Вѣдню, Берлинѣ, Варшавѣ, Кіевѣ, Москвѣ, Петербурзѣ, видѣвъ свѣта, знаю якъ люде жиють, теперь слава Господу маю грошеньки, знаю добрѣ свое ремесло, зачну съ Богомъ самъ, тутъ буду ремесло мое провадити, въ мого отца домѣ поставлю фабрику, но перше оженю ся мамко, и если вамъ и Богумилѣ любитя, я Татьку себѣ избравъ за будущую супругу.

Богумила. То ваше дѣло, не мое, я лемъ радovatiся могу.

Татька. Мы уже давно собѣ слово дали, и Антоній на то изволивъ, и мы только вашего благоизволенія ждаеме.

Богумила. Няй васъ Богъ вседержитель благословить!

Татька, (Цѣлуе мамку въ руку, также и Андрей, обертаеся къ Параскѣ). И вы мамко довольни будете съ невѣстывъ.

Параска. О, я дуже довольна, няй вамъ Господь поможе!

Андрей. Теперь два дома въ едно споиме, въ едномъ устрою фабрику, а вы двѣ мамушки будете собѣ сестры, будете господарство провадити, а любезный нашъ отецъ, нашъ защититель, нашъ Ангелъ хранитель Богобой буде у насъ покойно жити, и по многихъ трудахъ на старый вѣкъ спочине, онъ буде наша потѣха, наша радость.

Антоній. А я съ моей стороны придамъ вамъ 500 золотыхъ, дайте на лихву, котору дѣдочкови все оддасте, абы онъ, скудости не терпѣвъ у старости, а по его смерти остане сумма та на основаніе фундаціи, на одного школяря.

Иванко. И я вамъ придамъ на тотже конецъ 500 золотыхъ.

Богобой. Дѣточки мои, я только добродѣтели не заслуживъ; — я васъ провадивъ до свѣта, и не иное было мое намѣреніе, якъ чтобы изъ потопленнаго до селѣ карпато-русского народа воздвигнути особы, чтобы имъ подати способъ гражданской жизни. Бо если всегда лемъ при давныхъ обычаяхъ останеме, то всегда будеме тамъ, где Отцы наши томилися; а если еденъ другого спомагати будеме, то не за долгое время вырости можеме въ народъ великій, и свѣту полезный. Такъ теперъ дѣточки, вы не стыдитесь вашего племени, нашего честного рода; спомагайтесь, спомагайте и сродниковъ вашихъ. Ты Андрѣйку возьми до твоей фабрики русскихъ хлопцовъ и учи ихъ ремесло, яко ты научился, ты Иванку возьми съ собовъ больше русиновъ и подай имъ способъ счастья, яко и тобѣ Богъ указалъ: такожде и ты Антоньку усилийся народа твоего счастье воздвигнути, такъ весело увидите, же бѣдны русины двинутся и съ помощію Створителя разцвѣнуть, якъ богатая нива по благой росѣ. А я уже съ радостію остану у васъ, не буду лежати лѣнливо, и понеже я на поле уже идти не годенъ, буду вамъ загороду пильновати, и куплю пчолы, буду ихъ дозерати, то буде моя забава и покажу обывателямъ: же невинніи мушки великій въ господарствѣ принесугъ прибытокъ, бо уже наши русины ойшкода велика — сію господарства часть оставили, незнаючи, же воскъ Богу на хвалу, а медъ на ужитокъ людямъ неоплатимый даръ божій е.

ЯВЛЕНИЕ XIII.

Храбросшой и прежніи.

Храбростой. Боже вамъ дай гораздъ! Я слышалъ, же у насъ свадьба готовится, тому тѣшу ся, бо я военный, люблю веселитися; мы уже свыкли все весело жити! — но где е юноша, и котра молодица?

Богобой (приведе Андрея и Татьку). Адде суть.

Храбростой. Но гораздъ! то хорошій сходъ; — не приймете мене за дружбу?

Андрей. Съ благодареніемъ.

Храбростой. (къ Богобою). А ты старый воякомъ былъ? якъ вижу ты староста.

Богобой. Я, ваше благородіе! то мои дѣти по сердцѣ Я раненный старецъ, за царя ногу положили, но еще и голову положу, если потреба буде; — о, благодарю Господа, же про мого царя хоть одну ногу пожертвоваль!

Храбростой. Прекрасно! Богъ ти нагородитъ въ животѣ вѣчномъ; — но еще едно дѣло маю: сукинъ сынъ Чмуль цѣлое село опустошивъ, его складъ проданъ, и праведный судъ царскій повелѣлъ выплатити шкоды невиннымъ учиненніи; а де е честный колесарь?

Честноживъ. Аде я, ваше благородіе!

Храбростой. Вы колесарь? видно вамъ по очамъ, же вы честный человекъ; — аде вамъ за вашу худобу присудилися 800 золотыхъ; пріймите, то ваше! А где Богумила?

Богумила. И вамъ присылае судъ 600 золотыхъ съ лихвою — еще тутъ есть якийсь Федоръ пяница, онъ хотя не заслужилъ милости, бо его сынъ съ Чмульомъ соединенный злодѣй былъ, и вчера его повѣсили, но однако судъ ему посылаетъ 700 золотыхъ; — ой буде мати за што пити!

Федоръ (плаче). О Боже мой Боже! чого я ся дождавъ! Сына ми повѣсили, жена ми свѣтомъ пропала, худоба спустилася; и тому я самъ виненъ, бо я слѣпый бѣвъ, я о Бозѣ забывъ. Теперь я новый честный животъ начинаю; я уже не отступлю отъ тебе, брате колесарю, буду съ тобовъ працювати и за грѣхи покутовати. Я гроши не хочу, бо уже за руками хочу солодкій хлѣбъ ѣсти; — мнѣ гроши не треба; — Дячку возьмите, и дайте ихъ на Церковь, бо уже на истѣ знаю, же добродѣтель превышаетъ богатство.

Мудроглавъ. То е справедливое покаянiе; Богъ васъ просвѣтивъ; о счастливый человекъ, который въ животѣ покается, и по маломъ терпѣннiи животъ вѣчный получаетъ!

Храбростой. Счастливый, счастливый! будете всѣ ечастливи! а по русаляхъ свадьба буде. —

ВЫДАВНИЦТВОМ ТОВА „ПРОСВѢТА“ В УЖГОРОДѢ

ВЫЙШЛИ СЛѢДУЮЧѢ КНИЖКИ:

Ч. 1.	Что то „Просвѣта“ В. Пачовського .	1 К
Ч. 2.	Чорт на весѣлю — оповѣданя из житя
Верховинцѣв — Лукача Демяна.	3 К
Ч. 3.	Выбор из поезій Стефана Рудань-
ского — веселѣ верши	2 К
Ч. 4—7.	Исторія Подкарпатскоѣ Руси ч. I. —
В. Пачовського	12 К
Ч. 8.	Чим и як гноити — М. Творидла . .	2 К
Ч. 9—10.	Добродѣтель превышаетъ богат-
ство — народна игра в 3. дѣйствіях —
А. Духновича	5 К
Ч. 11.	Вертеп — роздвяна игра на три дѣѣ —
М. Подгорянки	4-50 К